

Проф. М. Л. ГОФМАНЪ

ПУШКИНЪ- ДОНЪ-ЖУАНЪ

Катанова I
Катерина I
Катерина II
ММ
К. Адвокат
Катерина
Катерина III
Анна
Катерина
Катерина
Анна
Анна
Евдокия
Катерина IV.
Анна
Катерина

Издание Сергѣя Лифаря. Парижъ 1935

Александръ Кенегондскому
Сенатору

о убоженствѣ и нужности
на доброе начало

Александръ

26. VI. 1936

Париж.

*Tous droits de reproduction, de traduction
et d'adaptation réservés pour tous les pays,
y compris la Russie.*

Copyright by M. Hofman, 1935.

Imp. « Coopérative Etoile », 17, rue de la Comète, Paris VIIe.

lib.pushkinskijdom.ru

Проф. М. Л. ГОФМАНЪ

**ПУШКИНЪ -
ДОНЪ - ЖУАНЪ**

**Издание Сергѣя Лифаря.
Парижъ 1935**

lib.pushkinskijdom.ru

Евгений
Морозов
/ А. С. Пушкин

Не унывай (о!) мур
Сыр Рыжик —

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

29 января 1937 года исполняется сто лѣтъ со дня смерти Пушкина, и надо думать, что эта годовщина станетъ такой же исторической датой, какъ столѣтняя годовщина въ 1899 году, съ которой собственно и началось настоящее научное изученіе и проникновеніе въ дѣйствительно широкія народныя массы Пушкина.

Печальный опытъ академическаго изданія сочиненій Пушкина, начатаго 36 лѣтъ тому назадъ и до сихъ поръ неоконченнаго, показалъ, что ни настоящаго изданія полнаго собранія сочиненій, ни настоящаго научнаго изученія Пушкина не можетъ быть до тѣхъ поръ, пока не будетъ собранъ, опубликованъ и изученъ весь рукописный фондъ Пушкина!

Вслѣдствіе этого изданіе новыхъ матеріаловъ приобрѣтаетъ не только первенствующее, но и **первоочередное** значеніе, и для того, чтобы использовать ихъ къ юбилейному году, они должны быть изданы немедленно, не дожидаясь 1937 года. Въ силу этихъ соображеній я опубликовалъ «Путешествіе въ Арзрумъ» съ фототипическимъ воспроизведеніемъ новаго автографа Пушкина, въ силу этихъ же соображеній я вы-

пускаю въ свѣтъ въ октябрѣ этого года матеріалы исключительной цѣнности, которые судьба дала мнѣ въ руки — неизданные до сихъ поръ оригиналы писемъ Пушкина къ невѣстѣ; извѣстные въ неточномъ, искаженномъ переводѣ.

Одиннадцать писемъ Пушкина къ невѣстѣ и одно письмо къ его belle-mère, Н. И. Гончаровой, въ настоящее время окончены приготовленіемъ къ печати, но по техническимъ причинамъ — изъ-за сложности безукоризненно точнаго воспроизведенія многочисленныхъ автографовъ Пушкина — не могутъ быть выпущены раньше осени. Появляющаяся въ настоящій моментъ работа проф. М. Л. Гофмана «Пушкинъ — Донъ - Жуанъ» составляетъ часть сборника и была написана для него: Пушкину - семьянину противопоставался Пушкинъ — Донъ - Жуанъ.

«Пушкинъ — Донъ - Жуанъ» представляетъ, однако, настолько независимое значеніе и настолько большой самостоятельный интересъ, что издатель не видитъ никакихъ причинъ для того, чтобы долѣе откладывать опубликованіе этого изслѣдованія, составляющаго часть юбилейнаго изданія.

**ПУШКИНЪ-
ДОНЪ-ЖУАНЪ**

Ужъ мало ли любовь играла въ жизни мной?
Ужъ мало ль бился я, какъ ястребъ молодой,
Въ обманчивыхъ сѣтяхъ, раскинутыхъ Кипридой?
А, неисправленный стократною обидой,
Я новымъ идоламъ несу мои мольбы.

Въ 1830 году Пушкинъ написалъ «Каменнаго Гостя», въ которомъ создалъ образъ своего Донъ - Жуана, во многомъ напоминающаго самого Пушкина. Въ этомъ, и только въ этомъ смыслѣ, да и то съ извѣстными оговорками, Пушкина можно назвать Донъ - Жуаномъ, пѣвцомъ любви.

Для Пушкинскаго Донъ - Жуана любовь является не только вышею, но и единственною, исключительною цѣнностью. Вышею, но не единственною цѣнностью жизни любовь была и для Пушкина. Первый гость Лауры въ «Каменномъ Гостѣ» выражаетъ глубочайшую и постоянную мысль Пушкина словами:

— — — Изъ наслажденій жизни
Одной любви Музыка уступаетъ,
Но и любовь мелодія — — —

Въ этихъ стихахъ зерно всего «Каменнаго Гостя», и уже въ 1828 году Пушкинъ записываетъ ихъ въ такомъ видѣ въ альбомъ Шимановской. И въ 1832 году,

въ альбомѣ П. А. Бартеневой, поэтъ повторяетъ свою любимую мысль, нѣсколько варьируя (можетъ быть, невольно) ея выраженіе:

Изъ наслажденій жизни
Одной любви Музыка уступаетъ,
Но и любовь — гармонія.

Мысль — затаенная, любимая мысль Пушкина — остается той же: въ жизни нѣтъ ничего выше любви и музыки, и любовь и музыка — одно: такъ же вибрируетъ душа, то же поетъ она въ любви и въ музыкѣ, однимъ проникнуты любовь и музыка — два однородныя проявленія одной и той же высшей и прекраснѣйшей стихіи жизни, той прекраснѣйшей стихіи, которая даетъ чистыя и несомнѣнныя наслажденія, чистую и безспорную радость, «чистую нѣгу». Да и есть ли въ жизни другія радости, другое счастье? Пушкинъ называлъ себя атеистомъ въ томъ, что касается счастья, въ счастье жизни не вѣрилъ («на свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля») и счастья не зналъ.

Искусство — гармонія, вымыселъ — творчество и любовь, улыбка любви — вотъ истинное и единственное счастье въ жизни. И въ самый несчастливый, трагически - несчастливый и страшный, въ послѣдній годъ жизни Пушкинъ употребляетъ это слово «счастье», въ которое онъ не вѣритъ:

По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественной природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Трепеща радостно въ восторгахъ умиленья —
Вотъ счастье! вотъ права!...

Радости искусства — творчества знаетъ и Донъ - Жуанъ. И онъ, какъ Пушкинъ, дышетъ не только любовью, но и вымысломъ, гармоніей; и для него изъ наслажденій жизни одной любви музыка уступаетъ; и онъ,

какъ Пушкинъ, поэтъ: стихи, которые такъ тронули гостей Лауры «сочинилъ когда - то ея вѣрный другъ, ея вѣтреный любовникъ» — Донъ - Жуанъ. Донъ - Жуанъ во имя любви играетъ со смертью и гибнетъ... Но страшна ли смерть передъ лицомъ любви? — «Вся жизнь, одна ли, двѣ ли ночи»?.....

«Развѣ жизнь ужъ такое сокровище, что ея цѣною жаль и счастья купить?» говоритъ въ черновомъ наброскѣ герой «Египетскихъ Ночей», покупающей одну ночь любви — истинное наслаждение, истинное счастье, истинную радость — цѣною жизни.

Донъ - Жуанъ не столько палачъ, сколько жертва, жертва любви. Не столько онъ играетъ любовью, сколько любовь имъ. Онъ «чуть узенькую пятку» донны Анны замѣтилъ, какъ сталъ ея рабомъ. Такъ Пушкинъ примѣнилъ къ себѣ стихи Андре Шенье:

Каковъ я прежде былъ, таковъ и нынѣ я:
Безпечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать безъ умиленья,
Безъ робкой нѣжности и тайнаго волненья.
Ужъ мало ли любовь играла въ жизни мной?
Ужъ мало ль бился я, какъ ястребъ молодой,
Въ обманчивыхъ сѣтяхъ, раскинутыхъ Ки-
придой?

А неисправленный стократною обидой,
Я новымъ идоламъ несущи мои мольбы...

Этотъ стихотвореніе можно поставить эпиграфомъ ко всей жизни сердца Пушкина — отъ дѣтскихъ дней до послѣднихъ дней своей жизни онъ не могъ равнодушно взирать на красоту; но въ послѣдній — не донжуанскій — періодъ онъ все рѣже и рѣже позволялъ своему сердцу пылать и забываться. Иногда ему казалось, что

сердце позабыло
Способность легкую страдать

Я говорилъ: «тому, что было,
Ужъ не бывать, ужъ не бывать».
Прошли восторги и печали,
И легковѣрныя мечты...

Но это только казалось: до самыхъ послѣднихъ дней Пушкинъ не переставалъ быть Донъ - Жуаномъ, и его «легковѣрныя мечты» не переставали трепетать

Предъ мощной властью красоты...

Неотразимый Донъ - Жуанъ бывалъ жертвою любви, но онъ же бывалъ и палачемъ любви, хитрымъ и краснорѣчивымъ искусителемъ — Мефистофелемъ. О Донъ - Жуанѣ - Мефистофелѣ говоритъ донна Анна:

О, Донъ - Жуанъ краснорѣчивъ, я знаю!

Слыхала я; Онъ хитрый искуситель.

Вы, говорятъ, безбожный развратитель,

Вы сущій Демонъ. Сколько бѣдныхъ женщинъ

Вы погубили?

Такимъ неотразимымъ и краснорѣчивымъ Донъ - Жуаномъ — Мефистофелемъ бывалъ и Пушкинъ, и, подобно Донъ - Жуану, и на его «совѣсти усталой много зла» тяготѣло. Алексѣй Вульфъ объяснялъ неотразимость Пушкина его умомъ и краснорѣчіемъ, дѣйствовавшимъ на женщинъ - жертвъ Пушкина сильнѣе и неотразимѣе всякой красоты¹⁾ (если бы Вульфъ зналъ, какъ онъ преувеличивалъ неотразимость Пушкина! Если бы онъ зналъ, какъ часто Пушкинъ смиренно преклонялъ дрожащія колѣна передъ любимую, какъ онъ

¹⁾ А. Н. Вульфъ пишетъ въ своемъ дневникѣ: «Нравы людей, съ которыми встрѣчается, узнаетъ онъ (Пушкинъ) чрезвычайно быстро; женщинъ же онъ знаетъ какъ никто. Отъ того, не пользуясь никакими наружными преимуществами, всегда имѣющими большое вліяніе на прекрасный полъ, однимъ блестящимъ своимъ умомъ онъ приобретаетъ благосклонность онаго».

молилъ, взывалъ — и не получалъ отвѣта!). Псковскія и тверскія барышни прозвали Пушкина Мефистофелемъ и боялись опустошительныхъ набѣговъ на ихъ сердца этого «чуднаго знатока сердца» (этотъ стихъ Боратынскаго о Пушкинѣ П. А. Осипова заключила въ рамку; ей не разъ приходилось увозить своихъ дочерей и племянницъ отъ «чуднаго знатока сердца»).

О Мефистофелѣ - Пушкинѣ и его жертвахъ мы знаемъ многое. Знаемъ, какъ онъ «отъ скуки» увлекъ въ 1826 году Анну Николаевну Вульфъ, и какъ потомъ писалъ въ «Сценѣ изъ Фауста»:

агнецъ мой послушной!
Какъ жадно я тебя желалъ!
Какъ хитро въ дѣвѣ простодушной
Я грезы сердца возмущалъ!
Любви невольной, безкорыстной
Невинно предалась она...
Чтожь грудь моя теперь полна
Тоской и скукой ненавистной?...
На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслажденьемъ,
Съ неодолимымъ отвращеньемъ:
Такъ безразсчетный дуралей,
Вотще рѣшась на злое дѣло,
Зарѣзавъ нищаго въ лѣсу,
Бранить ободранное тѣло;
Такъ на продажную красу,
Насытась ею торопливо,
Развратъ косится боязливо . . .

Знаемъ, какъ тогда же Пушкинъ «неосторожно обрюхатилъ» другую жертву — молодую крестьянскую дѣвушку...

Мы знаемъ имена если не всѣхъ, то весьма многихъ «жертвъ» Пушкина: Марія, Анна, Софья, Алексан-

дра, Варвара, Вѣра, Анна, Анна, еще Анна, Варвара, Елизавета, Надежда, Аграфена, Любовь, Ольга, Евгения, Александра, Елена...

Знаемъ и «методъ Мефистофеля», которымъ увлекать Пушкинъ своихъ жертвъ: краснорѣчіе, раздраженіе и воспаленіе воображенія, которому послѣ языка чувственной страсти все кажется вялымъ и пошлымъ. Труденъ только первый шагъ съ жертвой: потому она сама предупреждаетъ всѣ порывы разгоряченной страсти - чувственности и идетъ навстрѣчу имъ — «и чѣмъ меньше женщину мы любимъ, тѣмъ легче нравимся мы ей»¹⁾).

Въ 1831 году, заключая въ свои объятія стройный станъ своей жены, Пушкинъ писалъ:

Кляню коварныя старанья
Преступной юности моей,
И встрѣчь условныхъ ожиданья
Въ садахъ, въ безмолвіи ночей;
Кляню рѣчей любовныхъ шопоть,
И струнь таинственный напѣвъ,
И ласки легковѣрныхъ дѣвъ,
И слезы ихъ, и поздній ропоть.

Но не только женатый Пушкинъ проклиналъ «ко-

¹⁾ А. Н. Вульфъ, ученикъ Пушкина въ донъ - жуанизмъ, записываетъ 14 ноября 1830 года: «Молодую красавицу трактира вчера началъ я знакомить съ техническими терминами любви; потомъ, по методу Мефистофеля, надо ее воображеніе занять сладострастными картинами; женщины, вкусивъ однажды этого соблазнительнаго плода, впадаютъ во власть того, которой имъ питать можетъ ихъ, и теряютъ ко всѣму другому вкусъ: имъ кажется все пошлымъ и вялымъ послѣ языка чувственности»... 6 февраля 1829 г. (по поводу своихъ отношеній съ баронессой С. М. Дельвигомъ): «Мы не упускали ни одной минуты для наслажденій, — съ женщиной труденъ только первый шагъ, а потомъ она сама почти предупреждаетъ роскошное воображеніе, всегда жаждущее новаго сладострастья».

варныя старанья преступной юности»: и въ 1828 году онъ, съ отвращеніемъ читая жизнь свою, трепеталъ и проклиналъ ее, и горько жаловался, и горько слезы лилъ; и въ 1824 году Пушкинъ стыдился своихъ жертвъ - идоловъ:

Нечисто въ нихъ воображенье,
Не понимаетъ насъ оно,
И, признакъ Бога, вдохновенье
Для нихъ и чуждо, и смѣшно.
Когда на память мнѣ невольно
Придетъ внушенный ими стихъ,
Я содрогаюсь, сердцу больно:
Мнѣ стыдно идоловъ моихъ.
Къ чему, несчастный, я стремился?
Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдился?

Пушкинъ не гордился тѣмъ, что его «коварные напѣвы смиряли въ мысляхъ юной дѣвы порывы страха и стыда», и стихи его (методъ Мефистофеля!) «Чѣмъ меньше женщину мы любимъ, тѣмъ легче нравимся мы ей» осуждаютъ и проклинаятъ эту тактику:

и тѣмъ ее вѣрнѣе губимъ
Средь обольстительныхъ сѣтей.
Развратъ, бывало, хладнокровной
Наукой славился любовной,
Самъ о себѣ вездѣ трубя
И наслаждаясь не любя.
Но эта важная забава
Достойна старыхъ обезьянъ
Хваленыхъ дѣдовскихъ временъ...

И вотъ окончательное признаніе «Донъ - Жуана» въ 1832 году:

Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслаждень-
емъ,
Восторгомъ чувственнымъ, безумствомъ, из-
ступленьемъ,
Стенаньемъ, криками вакханки молодой,
Когда, вѣясь въ моихъ объятіяхъ змѣей,
Порывомъ пылкихъ ласкъ и язвою лобзаній
Она торопитъ мигъ послѣднихъ содроганій.

Конечно, нельзя принимать à la lettre каждое слово этого признанія: Пушкинъ дорожилъ и «мятежнымъ наслажденьемъ», но еще выше ставилъ другое наслажденье.

Мы говорили о «жертвахъ» Пушкина, — не правильнѣ ли было бы говорить о жертвѣ - Пушкинѣ, который жертвовалъ собою безъ любви «наперсницамъ порочныхъ заблужденій» и «крестницамъ Киприды»? Не правильнѣ ли было бы говорить о томъ, что Пушкинъ бывалъ часто жертвою своей горячей и страстной природы? — Въ Пушкинѣ очень рано пробудилась дикая чувственность. Недаромъ его лицейскіе товарищи прозвали его «смѣсью обезьяны съ тигромъ», и Комовскій свидѣтельствовалъ, что «отъ одного прикосновенія къ рукѣ танцующей во время лицейскихъ баловъ взоръ его пылалъ, и онъ пыхтѣлъ, сопѣлъ, какъ ретивый конь среди молодого табуна». Другой его товарищъ, М. Л. Яковлевъ, возмущался этими словами и находилъ, что такъ можно описывать арабскаго жеребца, а не Пушкина, — но его возмущала только форма, слова, выраженія, а не существо, — и онъ признавалъ неудержимую, горячую чувственность Пушкина. Пушкинъ уже въ лицейѣ постоянно томился «обманомъ пылкихъ сновъ» — природа его влекла къ культу Венеры; ей онъ приносилъ такія жертвы, которыя заставляли его впослѣдствіи читать свою жизнь «съ от-

вращеніемъ». Горячая, пылкая и богато - чувственная природа Пушкина имѣетъ громадный діапазонъ, и его чувственность принимаетъ всѣ формы и выражается богато и всесторонне въ творчествѣ, въ пылкихъ снахъ, въ жертвоприношеніяхъ Венерѣ, Афродитѣ земной, въ чистой любви, въ идеализаціи, въ любви - молитвѣ, въ такой высокой и небесной, чистой молитвѣ - любви, до какой не подымался и идеалистъ Жуковский.

Донъ - Жуанъ смиренно преклонилъ дрожащія колѣна передъ донной Анной и молитвенно просилъ ея любви: донна Анна отвѣтила на его молитву . . . поцѣлуемъ и согласіемъ на свиданіе. Донъ - Жуанъ и тутъ — въ молитвѣ - любви, въ служеніи небесной Афродитѣ (если только онъ дѣйствительно служилъ небесной Афродитѣ, а не коварными напѣвами усыплялъ волненіе страха и стыда въ «небесной» доннѣ Аннѣ) былъ неотразимъ. Не то съ Пушкинымъ: его небесная Афродита иногда, рѣдко, отвѣчала на его мольбу - молитву (какъ это было съ Анной Петровной Кернъ), и тогда богиня, «геній чистой красоты», превращалась въ «вавилонскую блудницу», но чаще, гораздо чаще, его молитва оставалась даже неуслышанной, любовь нераздѣленной, непризнанной и неузнанной. Краснорѣчивый искуситель Мефистофель превращался въ робкаго, трепетнаго, нѣмого молчальника, несмѣющаго произнести слова любви — «Но я, любя, былъ глупъ и нѣмъ».

Какъ трогательна его лицейская запись въ дневникѣ съ зачеркиваніемъ имени Бакуниной! Пушкинъ молитвенно свято оберегаетъ свою святыню - любовь, и внушившая это чувство ему такъ и не узнала объ этомъ. И такъ всегда, или почти всегда.

На вопросъ книгопродавца («Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ», 1824), неужели ни одна изъ «ми-

лыхъ дамъ» не стоитъ ни вдохновенья, ни страстей, поэтъ отвѣчаетъ:

Зачѣмъ поэту
Тревожить сердца тяжкій сонъ?
Безплодно память мучить онъ.
И что жъ? Какое дѣло свѣту?
Я всѣмъ чужой. Душа моя
Хранить ли образъ незабвенный?
Любви блаженство зналъ ли я?
Тоскою ль долгой изнуренный,
Таилъ я слезы въ тишинѣ?
Гдѣ та была, которой очи,
Какъ небо, улыбались мнѣ?
Вся жизнь, одна ли, двѣ ли ночи?

.....
Не было той, которой очи какъ небо улыбались
ему —

Она отвергла заклинанья,
Мольбы, тоску души моей:
Земныхъ восторговъ изліанья,
Какъ божеству, не нужно ей.

Сколько разъ поэтъ долженъ былъ сравнивать себя съ соловьемъ, поющимъ надъ розою влюбленные гимны:

Не такъ ли ты поешь для хладной красоты?
Опомнись, о поэтъ, къ чему стремишься ты?
Она не слушаетъ, не чувствуетъ поэта;
Глядишь — она цвѣтеть; взываешь — нѣтъ
отвѣта.

«Вѣтранный любовникъ», Донъ - Жуанъ легко переходитъ отъ одной любви къ другой («Natalie, кстати сказать, моя сто тринадцатая любовь» — писалъ Пушкинъ княгинѣ В. Ѳ. Вяземской о Н. Н. Гончаровой), но одна любовь не вытѣсняетъ совершенно другой: въ немъ

сильна память сердца, воскрешающая образъ любимой и самое чувство, и Донъ - Жуанъ можетъ любить одновременно нѣсколько женщинъ. Уже послѣ встрѣчи съ донной Анной онъ отправляется къ своей прежней — къ Лаурѣ, и отъ нея — къ доннѣ Аннѣ.

Еще шире сердце Пушкина, и еще сильнѣе въ немъ память сердца — такъ сильна, что порой кажется, что для него все — настоящее, что для него не существуетъ прошедшаго, что все бывшее — настоящее, сущее. Такъ богато и такъ жадно къ любви сердце Пушкина, что одновременность двухъ и больше любвей—постоянное явленіе въ жизни поэта. И не только совмѣщаются въ немъ разнородныя и случайныя увлеченія, но и большія, глубокія любви и страсти. Одесская зима 1823 - 1824 г. г. знаетъ два такихъ имени — Амаліи Ризничъ и Элизы Воронцовой: обѣ женщины внушили глубокое, настоящее, не мимолетное чувство. Въ 1826 году, собираясь жениться на С. Ѳ. Пушкиной, Пушкинъ пишетъ княгинѣ В. Ѳ. Вяземской: «S. P. est mon bon ange; mais l'autre est mon démon; cela me trouble dans mes méditations poétiques et amoureuses le plus mal à propos du monde». «Демонъ», «другая» — Екат. Ник. Ушакова («Но ты — мой злой иль добрый гений!» писалъ ей Пушкинъ) — такая глубокая любовь, которую не могутъ вытѣснить ни Анна Оленина въ 1827 - 1828 г. г., ни Наталія Гончарова въ 1829 - 1830 г. г.; и, сосуществуя съ любовью къ А. А. Олениной, она существуетъ одновременно съ любовью къ Н. Н. Гончаровой (въ началѣ 1830 года Пушкинъ пишетъ князю П. А. Вяземскому: «Правда ли, что моя Гончарова выходитъ за архивнаго Мещерскаго? Что дѣлаетъ Ушакова моя же?»). Въ этомъ отношеніи особенно интересенъ 1828 годъ. Въ этотъ годъ Пушкинъ былъ затравленъ дѣлами по поводу его стихотворенія «Андрей Ше-

нѣ въ темницѣ» и «Гавріиліады» и находился въ безпросвѣтно мрачномъ, гнетущемъ, тяжеломъ настроеніи; въ этомъ году Пушкинъ встрѣчаетъ свою двадцать девятую годовщину («26 мая 1828») стихотвореніемъ:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣняемъ взволновалъ?...

Цѣли нѣтъ передо мною,
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томить меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

Это стихотвореніе окрашиваетъ весь тяжело - тревожный 1828 годъ, который едва не сломилъ душевныя силы Пушкина («Бурной жизнью утомленный, равнодушно бури жду»): Пушкинъ мечется въ клѣткѣ — въ Петербургѣ, просится въ дѣйствующую армію, за-границу... Казалось бы, что въ тотъ моментъ, когда грозныя тучи собрались надъ его головой, когда ему угрожала Сибирь («того и гляди, что я поѣду далѣе, прямо, прямо на Востокъ», писалъ онъ князю П. А. Вяземскому), когда онъ дошелъ до тупика — ему было не до любви. А между тѣмъ... Между тѣмъ какъ разъ 1828 годъ насыщенъ любовью: не переставая любить Ушакову, Пушкинъ молится Рафаэлевскому ангелу — А. А. Олениной. Чувство его къ Олениной отличается какой-то особенной нѣжностью и чистотой: она для него «ангелъ кроткій, безмятежный» съ нѣжнымъ взоромъ, въ ея глазахъ —

Какой задумчивый въ нихъ геній,
И сколько дѣтской простоты,
И сколько томныхъ выражений,
И сколько нѣги и мечты!...
Потупить ихъ съ улыбкой Леля —
Въ нихъ скромныхъ грацій торжество;
Подниметь — ангель Рафаэля
Такъ созерцаеть Божество.

Поэтъ мечтаетъ вырваться изъ сжавшаго его въ свои тиски и угрожающаго Петербурга, изъ неволи петербургской, но въ Петербургѣ Оленина, — и потому

Городъ пышный, городъ бѣдный,
Духъ неволи, стройный видъ,
Сводъ небесъ зелено - блѣдный,
Скука, холодъ и гранить —
Все же мнѣ васъ жаль немножко,
Потому что здѣсь порой
Ходить маленькая ножка,
Вьется локонъ золотой.

И рядомъ съ молитвой Рафаэлевскому ангелу, одновременно съ этой молитвой, испепеляющая горячая страсть къ «беззаконной кометѣ въ кругу расчисленномъ свѣтилъ» — къ «мѣдной Венерѣ» — къ графинѣ Аграфенѣ Феодоровнѣ Закревской, къ той Закревской, измучившей своею страстью Боратынскаго, героинѣ «Бала», о которой Боратынскій говорилъ:

Страшисъ прелестницы опасной,
Не подходи: обведена
Волшебнымъ очеркомъ она;
Кругомъ ея заразы страстной
Исполненъ воздухъ! Жалокъ тотъ,
Кто въ сладкій чадъ его вступаетъ:
Ладью пловца водоворотъ
Такъ на погибель увлекаеть!

Бѣги ее: нѣтъ сердца въ ней!
Страшися вкрадчивыхъ рѣчей
Одурѣвающей приманки,
Влюбленныхъ взглядовъ не лови:
Въ ней жаръ упившейся Вакханки,
Горячки жаръ — не жаръ любви.

Эта «Клеопатра Нева», будущая героиня неоконченныхъ «Египетскихъ Ночей» (портретъ ея нарисованъ Пушкинымъ и въ неоконченной повѣсти «Гости съѣзжались на дачу», и въ многочисленныхъ стихотвореніяхъ¹⁾), «заразила» своей страстностью и Пушкина:

Твоихъ признаній, жалобъ нѣжныхъ
Ловлю я жадно каждый крикъ:
Страстей безумныхъ и мятежныхъ
Какъ упоителенъ языкъ!
Но прекрати свои рассказы,
Таи, таи свои мечты:
Боюсь ихъ пламенной заразы,
Боюсь узнать, что знала ты.

И между Олениной и Закревской — ангеломъ и Венерой — Пушкинъ забѣгалъ къ Дельвигамъ, гдѣ встрѣчался съ Анной Петровной Кернъ, былымъ «геніемъ чистой красоты», а теперь всего лишь «вавилонской блудницей»; но и эта «вавилонская блудница» порой вызывала въ немъ языкъ страсти.

Осенью 1828 года Пушкину наконецъ удалось вырваться изъ Петербурга, и онъ поѣхалъ прежде всего въ Малинники. И тутъ, производя опустошительный набѣгъ на сердца тверскихъ барышень, среди легкихъ и мимолетныхъ увлеченій и побѣдъ, онъ испыталъ настолько серьезное чувство къ Е. В. Вельяшевой, что и

¹⁾ «Портретъ» (Съ своей пылающей душой), «Къ **» (Счастливъ, кто избранъ своеюравно), «Наперсникъ» (Твоихъ признаній, жалобъ нѣжныхъ), «Къ **» (Когда твои младыя лѣта)...

пять лѣтъ спустя, очутившись въ тѣхъ же мѣстахъ, онъ писалъ женѣ: «Вельяшева, нѣкогда мною воспѣтая, живетъ здѣсь по сосѣдству, но я къ ней не поѣду, зная, что тебѣ это было бы непріятно¹⁾». Изъ Малинниковъ Пушкинъ отправился въ Москву и здѣсь впервые увидѣлъ такъ поразившую его воображеніе будущую свою невѣсту и жену — Наталію Николаевну Гончарову. И, несмотря на то, что онъ былъ уже «огончарованъ», на возвратномъ пути въ Петербургъ онъ снова заѣхалъ за «данью» въ Тверскую губернію....

Казалось бы, въ 1828 году было много, слишкомъ много любви въ настоящемъ: Ушакова, Оленина, Закревская, Вельяшева, а Пушкинъ живетъ и въ прошедшемъ, и 19 мая пишетъ свое автобіографическое «Воспоминаніе» съ такимъ, волнующимъ своею загадочностью окончаніемъ:

Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
На играхъ Вакха и Киприды,
И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
Неотразимыя обиды.
И нѣтъ отрады мнѣ — и тихо предо мной
Встаютъ два призрака молодые,
Двѣ тѣни милыя — два данные судьбой
Мнѣ ангела во дни былые!
Но оба съ крыльями и съ пламеннымъ мечемъ,
И стерегутъ . . . и мстятъ мнѣ оба,
И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ
О тайнахъ вѣчности и гроба!...

Такъ мало мы знаемъ о Пушкинѣ, что не знаемъ даже, о какихъ двухъ «милыхъ тѣняхъ» говоритъ онъ въ этомъ стихотвореніи... Изъ всѣхъ женщинъ, которыхъ Пушкинъ любилъ «во дни былые» и которыя мо-

¹⁾ Е. В. Вельяшевой посвящено нѣсколько стихотвореній, въ томъ числѣ и «Примѣты» («Я ѣхалъ къ вамъ...»).

гли бы говорить ему «мертвымъ языкомъ о тайнахъ вѣчности и гроба», — мы знаемъ только одну Амалію Ризничъ. Но какъ непохожа на тихую, «милую тѣнь», на «ангела» та «бѣдная, легковѣрная тѣнь», которую поэтъ любилъ

пламенной душой

Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
Съ такою нѣжною, томительной тоской,
Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ.....

Амалія Ризничъ больше учила Пушкина ревности и пламеннымъ лобзаньямъ, больше мучила Пушкина, чѣмъ была ангеломъ - хранителемъ его. Въ 1823 году поэтъ посвятилъ ей ревнивую элегію, въ которой старался увѣрить себя, что онъ

любимъ... Наединѣ со мною
Ты такъ нѣжна! Слова твоей любви
Такъ искренно полны твоей душою!
Тебѣ смѣшны мученія мои;
Но я любимъ, тебя я понимаю.
Мой милый другъ, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, какъ сильно я люблю,
Не знаешь ты, какъ тяжко я страдаю.

Въ 1825 году Ризничъ умерла въ Италіи, Пушкинъ только въ 1826 году узналъ о ея смерти и (если отождествлять поэтическое выраженіе съ автобиографическимъ признаніемъ, что, какъ увидимъ, всегда очень опасно) «равнодушно ей внималъ»; но и послѣ ея смерти Пушкинъ не разъ вспоминалъ ее и въ лирическомъ отступленіи въ шестой главѣ «Евгенія Онѣгина», въ исключенныхъ строфахъ о припадкахъ ревности, говорить:

Я не хочу пустой укорой
Могилы возмущать покой;
Тебя ужъ нѣтъ, — о ты, которой

Я въ буряхъ жизни молодой
Обязанъ опытомъ ужаснымъ
И рая мигомъ сладострастнымъ!
Какъ учать слабое дитя,
Ты душу нѣжную мутя,
Учила горести глубокой;
Ты нѣгой волновала кровь,
Ты воспаляла въ ней любовь
И пламя ревности жестокой.
Но онъ прошелъ, сей тяжкій день;
Почій мучительная тѣнь!

Несмотря на то, что «мучительная тѣнь» Ризничъ не похожа на ангела - хранителя въ «Воспоминаніи», все же можно допустить, что одинъ изъ «призраковъ младыхъ», одинъ изъ ангеловъ «съ крыльями и съ пламеннымъ мечемъ» — она. Но кто же другой? — Въ Кишиневѣ сохранилось преданіе, что Пушкинъ сильно увлекался нѣкоей госпожей Инглези; съ мужемъ ея Пушкинъ долженъ былъ драться (неизвѣстно, дрался ли онъ съ нимъ); Инглези такъ любила поэта, что мужъ ея увезъ ее подальше отъ поэта, въ Италію; тамъ она, не выдержавъ разлуки съ поэтомъ и не перенеся извѣстій о его измѣнахъ, умерла.....

Память сердца Пушкина, хранившая милые образы и лирически воскрешавшая ихъ въ творческихъ созданіяхъ, и еще болѣе таинственныя буквы N. N. въ Донъ - Жуанскомъ спискѣ дали поводъ къ легендѣ объ единой, вѣчной, утаенной и отвергнутой любви Пушкина. Легенда эта очень красива и на первый взглядъ такъ убѣдительна, что пускаетъ все большіе и большіе корни въ пушкинизмъ, и едва ли уже не является общепризнанной въ качествѣ достовѣрнаго факта. Между тѣмъ она создалась на такихъ методологическихъ ошибкахъ и упущеніяхъ, что ее необходимо разрушить, какъ ис-

кажающую истинную сердечную жизнь Пушкина. Истинную сердечную жизнь... Можем ли мы надѣяться, что когда -нибудь будетъ возстановлена истинная жизнь сердца Пушкина? — Задача эта такъ трудна, что граничитъ съ невозможностью. Но для того, чтобы хотя приблизиться къ истинѣ, чтобы возстановить хотя бы обрывки истины, необходима крайняя осторожность и строгій отчетъ, строгое сознание и трудностей и возможности ошибокъ, ошибочныхъ заключеній на основаніи спорныхъ, не непреложныхъ предпосылокъ.

Первая и самая главная, основная и самая распространенная ошибка заключается въ знакѣ равенства между жизнью и творчествомъ, между фактомъ - основою лирическаго стихотворенія, между переживаніемъ и поэтическимъ образомъ лирическаго стихотворенія. Въ 1823 году Пушкинъ говорилъ въ первой главѣ «Евгенія Онѣгина»:

Замѣчу кстати: всѣ поэты —
Любви мечтательной друзья
Бывало, милые предметы
Мнѣ снились, и душа моя
Ихъ образъ тайный сохранила;
Ихъ муза послѣ оживила...

Но муза могла различно оживлять «милые предметы». Оживленіе музою милаго образа, сохранившагося въ душѣ поэта, не всегда является ручательствомъ за то, что въ это время Пушкинъ не только лирически - творчески, но и жизненно - душевно переживаетъ его, что въ это время онъ владѣетъ и сердцемъ поэта, а не только его творческимъ воображеніемъ. Да и самый творческій образъ — всегда ли онъ адекватенъ реально-жизненному образу? — Приведемъ одинъ любопытный примѣръ. Въ 1829 году Пушкинъ написалъ стихотвореніе «Калмычкѣ»:

Прощай, любезная калмычка!
Чуть - чуть, на зло моихъ затѣй,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслѣдъ за кибиткою твоей.
Твои глаза, конечно, узки,
И плосокъ носъ, и лобъ широкъ,
Ты не лепечешь по-французски,
Ты шелкомъ не сжимаешь ногъ;
По-англійски, предъ самоваромъ,
Узоромъ хлѣба не крошишь,
Не восхищаешься Сень - Маромъ,
Слегка Шекспира не цѣнишь,
Не погружаешься въ мечтанье,
Когда нѣтъ мысли въ головѣ,
Не распѣваешь: Ma dov'è,
Галопъ не прыгаешь въ собраньѣ...
Что нужды? — Ровно полчаса,
Пока коней мы запрягали,
Мнѣ умъ и сердце занимали
Твой взоръ и дикая краса.
Друзья! не все ль одно и то же:
Забыться праздною душой
Въ блестящей залѣ, въ модной ложѣ,
Или въ кибиткѣ кочевой?

Попробуемъ отнестись къ этому стихотворенію, какъ къ автобіографическому признанію, — что мы изъ него заключимъ? — Что Пушкинъ, хоть и не надолго («ровно полчаса») увлекся калмычкой, что его сердце было занято ею, и что его привычка чуть не увлекла вслѣдъ за кибиткою калмычки... Откроемъ «Путешествіе въ Арзрумъ» и тамъ прочтемъ: «На-дняхъ посѣтилъ я Калмыцкую кибитку. Все семейство собиралось завтракать; котель варился посрединѣ, и дымъ выхо-

диль въ отверстіе, сдѣланное въ верху кибитки. Молодая Калмычка, собою очень недурная, шила, курия табакъ. Я сѣлъ подлѣ нее. Какъ тебя зовутъ? — ***. — Сколько тебѣ лѣтъ? — Десять и восемь. — Что ты шьешь? — портка. Кому? — себя. Она подала мнѣ свою трубку и стала завтракать. Въ котлѣ варился чай съ бараньимъ жиромъ и солью. Она предложила мнѣ свой ковшикъ. Я не хотѣлъ отказать и хлебнулъ, стараясь не перевести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что - нибудь гаже. Я попросилъ чѣмъ - нибудь заѣсть. Мнѣ дали кусочикъ сушеной кобылятины; я былъ и тому радъ. Калмыцкое кокетство испугало меня: я поскорѣе выбрался изъ кибитки и поѣхалъ отъ степной цирцеи».

Приведемъ другіе два примѣра иной природы. 19 іюля 1825 года въ Михайловскомъ Пушкинъ посвятилъ Аннѣ Петровнѣ Кернъ извѣстное стихотвореніе¹⁾:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты...

И сердце бьется въ упоеньѣ,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Въ томъ же іюлѣ того же 1825 года о той же самой А. П. Кернъ Пушкинъ пишетъ А. Г. Родзянко достаточно легкомысленное посланіе²⁾:

¹⁾ Болѣе чѣмъ вѣроятно, что это стихотвореніе написано раньше, но было передано имъ А. П. Кернъ въ іюлѣ.

²⁾ Болѣе чѣмъ вѣроятно, что это посланіе — въ отвѣтъ на письмо А. Г. Родзянки отъ 10 мая — написано и раньше, но было передано имъ А. П. Кернъ въ іюлѣ.

Ты объщаль о романтизмѣ,
О семъ парнасскомъ аеизмѣ,
Потолковать еще со мной...

И наконецъ въ 1828 году Пушкинъ писалъ С. А. Соболевскому: «Ты ничего не пишешь о 2100 мною тебѣ должныхъ, а пишешь о т-те Кернъ, которую съ помощью Божіей я на-дняхъ у...».

Какъ согласовать «Я помню чудное мгновенье» съ посланіемъ къ А. Г. Родзянко и съ письмомъ къ Соболевскому? Естественно объяснять «Я помню чудное мгновенье» не настоящимъ выраженіемъ настоящаго чувства Пушкина къ А. П. Кернъ, а всего лишь поэтической фикціей, прекраснымъ эстетическимъ феноменомъ, очень далекимъ отъ подлинной реальной жизни, отъ жизненной прозы. Такъ ли это? Такъ ли онъ далекъ отъ жизни? —

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

Это «чудное мгновенье», которое Пушкинъ помнилъ (и, конечно, эстетически претворилъ, а не возстановилъ) имѣло мѣсто въ 1819 году на вечерѣ у Олениныхъ, и вотъ какъ о немъ рассказываетъ А. П. Кернъ: «На одномъ изъ вечеровъ у Олениныхъ я встрѣтила Пушкина и не замѣтила его; мое вниманіе было поглощено шарадами, которыя тогда разыгрывались, и въ которыхъ участвовали Крыловъ, Плещеевъ и другіе... Но онъ вскорѣ далъ себя замѣтить. Во время дальнѣйшей игры на мою долю выпала роль Клеопатры, и когда я держала корзинку съ цвѣтами, Пушкинъ, вмѣстѣ съ братомъ Александромъ Полторацкимъ подошелъ ко мнѣ, посмотрѣлъ на корзинку и, указывая на брата, сказалъ: «Et c'est sans doute monsieur qui fera l'as-

ріс». Я нашла это дерзкимъ, ничего не отвѣтила и ушла. Послѣ этого мы сѣли ужинать. У Олениныхъ ужинали на маленькихъ столахъ, безъ церемоній и, разумѣется, безъ чиновъ... За ужиномъ Пушкинъ усѣлся съ братомъ позади меня и старался обратить на себя мое вниманіе лъстивыми возгласами, какъ напримѣръ: «Est-il permis d'être aussi jolie!». Потомъ завязался между ними шуточный разговоръ о томъ, кто грѣшникъ и кто нѣтъ, кто будетъ въ аду и кто попадетъ въ рай. Пушкинъ сказалъ брату: «Во всякомъ случаѣ, въ аду будетъ много хорошенькихъ, тамъ можно будетъ играть въ шарады. Спроси у m-me Кернъ, хотѣла ли бы она попасть въ адъ?» Я отвѣчала очень серьезно и нѣсколько сухо, что въ адъ не желаю. «Ну, какъ же ты теперь, Пушкинъ?» — спросилъ братъ. «Je me ravise», отвѣтилъ поэтъ, — «я въ адъ не хочу, хотя тамъ и будутъ хорошенькія женщины»... Скоро ужинъ кончился, и стали разъѣзжаться. Когда я уѣзжала, и братъ сѣлъ со мной въ экипажъ, Пушкинъ стоялъ на крыльцѣ и провожалъ меня глазами.....»

Въ томленьяхъ грусти безнадежной,
Въ тревогахъ шумной суеты,
Звучалъ мнѣ долго голосъ нѣжной,
И снились милыя черты.

Шли годы. Бурь порывъ мятежный
Разсѣялъ прежнія мечты,
И я забылъ твой голосъ нѣжный,
Твои небесныя черты.

Но поэтъ снова вспомнилъ А. П. Кернъ тогда, когда въ Михайловскомъ

Въ глуши, во мракѣ заточенья,
Тянулись тихо дни мои

Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.

Анна Николаевна Вульфъ переписывалась со своей кузиной и заинтересовала ее Пушкинымъ, а Пушкина ею. Въ А. П. Кернъ возгорѣлось желаніе положить къ своимъ ногамъ знаменитаго уже въ то время опальнаго поэта, произведеніями котораго она зачитывалась, а Пушкину рисовалась легкая побѣда надъ красивой, интересной молодой женщиной, женой стараго генерала, которая не могла быть недоступной (такое представленіе объ А. П. Кернъ Пушкинъ составилъ себѣ и по рассказамъ А. Н. Вульфъ, и по тому, что А. П. Кернъ находилась въ интимныхъ отношеніяхъ съ А. Г. Родзянко). Поэтъ съ этой цѣлью возобновляетъ переписку съ Родзянко и пишетъ ему (8 декабря 1824): «Объясни мнѣ, милый, что такое А. П. К...., которая написала много нѣжностей обо мнѣ своей кузинѣ? Говорятъ, она премиленькая вещь — но **славны Лубны за горами**¹⁾. На всякой случай зная твою влюбчивость и **необыкновенные таланты** во всѣхъ отношеніяхъ, полагаю дѣло твое сдѣланнымъ или полусдѣланнымъ. Поздравляю тебя, мой милый; напиши на это все элегію или эпиграмму.

Полно врать. Поговоримъ о поэзіи т. е. о твоей. Что твоя романтическая поэма **Чупъ**? Злодѣй! не мѣшай мнѣ въ моемъ ремеслѣ — пиши сатиры хоть на меня; не перебивай мнѣ мою романтическую лавочку. Къ стати: Баратынскій написалъ поэму (не прогнѣвайся про **Чухонку**) и эта чухонка говорятъ чудо какъ мила. — А я про **Цыганку**; каковъ? подавай-же намъ скорѣй свою **Чупку** — ай да Парнассъ! ай да Героини? ай да честная кампанія! Воображаю, Аполлонъ смотря на нихъ

¹⁾ А. П. Кернъ (какъ и Родзянко) жила въ Лубнахъ, Полтавской губерніи.

закричить: за чемъ ведете мнѣ не ту? А какую же тебѣ надобно, проклятый Фебъ? Гречанку? Итальянку? чемъ ихъ хуже Чухонка или Цыганка [.] одна — [. . .] т. е. оживи лучемъ вдохновенія и славы. Если А. П. такъ же мила какъ сказываютъ, то вѣрно она моего мнѣнія: справься съ нею объ этомъ».

Несмотря на то, что А. П. Кернъ прочла это откровенное письмо, въ отвѣтномъ письмѣ А. Г. Родзянки она сдѣлала очень милыя приписки, которыя должны были еще болѣе разгорячить воображеніе Пушкина.

Пушкинъ съ нетерпѣніемъ ждалъ пріѣзда А. П., — и въ серединѣ іюня 1825 года она пріѣхала въ Тригорское. Не зная, что она въ Тригорскомъ, Пушкинъ отправился туда и засталъ всѣхъ за обѣдомъ. «Тетушка, подлѣ которой я сидѣла, — вспоминала впослѣдствіи А. П. Кернъ, — мнѣ его представила; онъ очень низко поклонился, но не сказалъ ни слова: робость видна была въ его движеніяхъ. Я тоже не нашлась ничего ему сказать, и мы не скоро ознакомились и заговорили...»

Пушкинъ настраивалъ себя на одинъ ладъ — на легкомысленный, — и обомлѣлъ и оробѣлъ, увидя генія чистой красоты:

Душѣ настало пробужденье:
И вотъ опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.
И сердце бьется въ упоеньѣ,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Все свидѣтельствуетъ о томъ, что для Пушкина А. П. Кернъ явилась чистымъ божествомъ, внушившимъ ему святое и глубокое, благоговѣйно - робкое чувство

— начиная отъ того камня, о который споткнулась А. П. и который Пушкинъ бережно и свято хранилъ на своемъ письменномъ столѣ, отъ вѣтки геліотропа, подаренной имъ А. П. и засушенной имъ, — до письма къ П. А. Плетневу (въ серединѣ іюля 1825): «Скажи отъ меня Козлову, что недавно посѣтила нашъ край одна прелесть, которая небесно поетъ его **Венеціанскую Ночь** на голось гондолерскаго речетатива; я обѣщала о томъ извѣстить милаго вдохновеннаго слѣпца. Жаль, что онъ не увидитъ ее, но пусть вообразитъ себѣ красоту и задушевность; по крайней мѣрѣ, дай Богъ ему ее слышать!»

«Однажды, пишетъ А. П., явился онъ въ Тригорское со своей большою черною книгой, на поляхъ которой были начерчены ножки и головки, и сказалъ, что онъ принесъ ее для меня. Вскорѣ мы усѣлись вокругъ него, и онъ прочиталъ намъ своихъ «Цыганъ». Впервые мы слышали эту чудную поэму, и я никогда не забуду того восторга, который охватилъ мою душу. Я была въ упоеніи какъ отъ текучихъ стиховъ этой чудной поэмы, такъ и отъ его чтенія, въ которомъ было столько музыкальности, что я истаевала отъ наслажденія...» Послѣ этого чтенія, во время котораго А. П. «истаевала отъ наслажденія», происходили поэтическія прогулки... Романъ Пушкина съ А. П. Кернъ вдругъ оборвался 19 іюля 1825: въ этотъ день П. А. Осипова «во избѣжаніе катастрофы» увезла свою племянницу въ Ригу. Пушкинъ вступилъ въ переписку съ А. П., и въ его письмахъ въ Ригу уже нѣтъ никакой ни робости, ни благоговѣнія къ «божественной» красавицѣ: «Adieu! Il fait nuit, et vôtre image m'apparaît, toute triste et toute voluptueuse; je crois voire vôtre regard, votre bouche entrouverte. Adieu! Je crois être à vos pieds, je les presse, je sens vos genoux, — je donnerai tout mon

sang pour une minute de réalité! Adieu, et croyez à mon delire; il est ridicule, mais vrai».

Въ другомъ письмѣ, полушутя уговаривая А. П. бросить все и ѣхать къ нему въ Михайловское, Пушкинъ говоритъ: «Parlons sérieusement, c'est - à - dire froidement: vous reverrai-je? l'idée que non me fait frissonner. — Vous me direz: consolez vous. Fort bien, mais comment? devenir amoureux? impossible. Il faut d'abord oublier vos spasmes — m'expatrier? m'étrangler? me marier? Tout cela présente de grandes difficultés — j'y rérugne.....» Но скоро Пушкинъ дѣйствительно успокоился, увлеченный работой надъ «Борисомъ Годуновымъ», и образъ А. П. Кернъ сталъ меркнуть. Въ октябрѣ 1825 года А. П. снова приѣхала въ Тригорское... и она перестала быть для него «гениемъ чистой красоты»... Встрѣчался Пушкинъ съ ней и позже (въ 1828 году), когда называлъ ее «вавилонской блудницей» и имѣлъ полное основаніе говорить о ней въ томъ тонѣ, въ какомъ написано приведенное нами выше письмо къ Соболевскому.

Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ поэтическое произведеніе, кажущееся на первый взглядъ далекимъ отъ жизни, оказывается близкимъ къ ней.

Другой примѣръ. Въ 1820 году Пушкинъ писалъ своему брату: «Мой другъ, щастливѣйшія минуты жизни моей провелъ я посреди семейства почтеннаго Раевского. Я не видѣлъ въ немъ Героя, славу Русскаго войска, я въ немъ любилъ чловѣка съ яснымъ умомъ, съ простой, прекрасною душою... Старшій сынъ его будетъ болѣе нѣжели извѣстенъ. Всѣ его дочери — прелесть, старшая — женщина необыкновенная». Изъ четырехъ дочерей Раевского, старшая, Екатерина — «женщина необыкновенная» — произвела большое впечатлѣніе на Пушкина (ея имя и находится въ Донъ - Жуанскомъ

спискѣ поэта). Екатерина Николаевна Раевская была на два года старше Пушкина и была точно «женщиной необыкновенной» — красивой, умной, образованной, хитрой, съ гордымъ, твердымъ, независимымъ характеромъ. Въ семьѣ ее называли «Марею Посадницей» за ея властность и гордость; сохранился семейный альбомъ, въ которомъ она изображена съ розгами передъ стоящимъ на колѣняхъ ея мужемъ, М. Ѡ. Орловымъ. Образъ «гордой дѣвы» мелькаетъ въ стихотвореніяхъ Пушкина 1820 - 1821 г. г.:

О дѣва - роза, я въ оковахъ,
Но не стыжусь твоихъ оковъ:
Такъ соловей въ кустахъ лавровыхъ,
Пернатый царь лѣсныхъ пѣвцовъ,
Близъ розы гордой и прекрасной
Въ неволѣ сладостной живетъ,
И нѣжно пѣсни ей поетъ
Во мракѣ ночи сладострастной.

То же въ портретѣ «Дѣвы»:

Я говорилъ тебѣ: страшися дѣвы милой!
Я зналъ: она сердца влечетъ невольной силой.
Неосторожный другъ, я зналъ: нельзя при ней
Иную замѣчать, иныхъ искать очей.
Надежду потерявъ, забывъ измѣны сладость,
Пылаетъ близъ нея задумчивая младость;
Любимцы счастья, наперсники судьбы
Смиренно ей несутъ влюбленные мольбы:
Но дѣва гордая ихъ чувства ненавидитъ
И, очи опустивъ, не внемлетъ и не видитъ.

Въ стихотвореніи «Красавица передъ зеркаломъ» повторяются тѣ же черты (общность образовъ, эпитетовъ — таковы законы ассоціаціи — служить самымъ надежнымъ критеріумомъ), и къ нимъ прибавляются еще хитрость и улыбка:

Взгляни на милую, когда свое чело
Она предъ зеркаломъ цвѣтами окружаетъ,
Играетъ локономъ, и вѣрное стекло
Улыбку, хитрый взоръ и гордость отражаетъ.

Эта улыбка повторяется въ «Діонеѣ», стихотвореніи, написанномъ за 3 - 4 мѣсяца до замужества Е. Н., тогда, когда она была невѣстой М. Ѳ. Орлова:

Хромидъ въ тебя влюбленъ: онъ молодъ, и не
разъ

Украдкою вдвоемъ мы замѣчали васъ;
Ты слушаешь его, въ безмолвіи краснѣя,
Твой взоръ потупленный желаніемъ горитъ,
И долго послѣ, Діонея,

Улыбку нѣжную лицо твое хранить.

Очень вѣроятно, что къ Екатеринѣ Николаевнѣ Раевской относятся «Нереида» (Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду) и элегія «Рѣдѣтъ облаковъ летучая гряда» и что о ней Пушкинъ вспоминалъ въ путешествіи «Евгенія Онѣгина»:

А тамъ, межъ хижинокъ татаръ...
Какой во мнѣ проснулся жаръ!
Какой волшебною тоскою
Стѣснилась пламенная грудь!
Но, муза! прошлое забудь!
Какія бь чувства ни таились
Тогда во мнѣ — теперь ихъ нѣтъ:
Они прошли иль измѣнились...
Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!
Въ ту пору мнѣ казались нужны
Пустыни, волнъ края жемчужны,
И моря шумъ, и груды скалъ,
И гордой дѣвы идеаль,
И безымянныя страданья...

Но отъ области предположеній обратимся къ не-

сомнѣннымъ фактамъ. Въ 1825 году, создавая «Бориса Годунова», Пушкинъ думалъ объ Е. Н. Раевской - Орловой и подъ ея впечатлѣніемъ писалъ образъ гордой, хитрой, властной и красивой Марины Мнишекъ. Объ этомъ съ совершенною очевидностью говоритъ его письмо къ князю П. А. Вяземскому (13 сентября 1825 г.): «Сегодня кончилъ я 2-ую часть моей Трагедіи — всѣхъ думаю, будетъ 4. Моя Марина славная баба: настоящая Катерина Орлова! знаешь ее? Не говори, однако-жь этаго никому». И уже послѣ окончанія «Бориса Годунова» Пушкинъ хотѣлъ снова вернуться къ Маринѣ и говорилъ, что она «ужасная полька» и что она продолжаетъ преслѣдовать его воображеніе¹). Такимъ образомъ, глубина и серьезность чувства Пушкина къ Е. Н. Раевской - Орловой вѣ всякаго сомнѣнія (если бы мы и не имѣли другихъ свидѣтельствъ, одинъ фактъ занесенія ея имени въ первую часть Донъ - Жу-

¹) Въ январѣ 1829 года Пушкинъ писалъ: «Une tragédie sans amour souriait à mon imagination. Mais outre que l'amour entrait beaucoup dans le caractère romanesque et passionné de mon aventurier, j'ai rendu Dmitri amoureux de Marina pour mieux faire ressortir l'étrange caractère de cette dernière. Il n'est encore qu'esquissé dans Karamzine. Mais certes c'est une drôle de jolie femme. Elle n'a eu qu'une passion; et ce fut l'ambition, mais à un degré d'énergie, de rage qu'on a peine à se figurer. Après avoir goûté de la royauté, voyez la ivre d'une chimère, se prostituer d'aventurier en aventurier, partager tantôt le lit dégoûtant d'un juif, tantôt la tente d'un cosaque, toujours prête à se livrer à quiconque peut lui présenter la faible espérance d'un trône qui n'existait plus. Voyez la braver la guerre, la misère, la honte, en même temps traiter avec le roi de Pologne de couronne à couronne et finir misérablement l'existence la plus orageuse et la plus extraordinaire. Je n'ai qu'une scène pour elle, mais j'y reviendrai, si Dieu me prête vie — Elle me trouble comme une passion — Elle est horriblement polonaise.....»

анскаго списка является уже очень краснорѣчивымъ). И между тѣмъ 7-го мая 1821 года Пушкинъ писалъ А. И. Тургеневу: «Орловъ женился; вы спросите какимъ образомъ? не понимаю. Развѣ онъ ошибся [.] и [.] жену головою. Голова его тверда; душа прекрасная, но чортъ - ли въ нихъ? Онъ женился, надѣнетъ халатъ и скажетъ:

Beatus qui procul...»

Такую же циническую выходку мы находимъ и въ октябрьскомъ (или ноябрьскомъ) письмѣ къ князю П. А. Вяземскому: «Поздравляю тебя, моя радость съ романтической Трагедіею, въ ней - же первая персона Борисъ - Годуновъ! трагедія моя кончена, я перечелъ ее въ слухъ, одинъ, и билъ въ ладоши и кричалъ, ай-да Пушкинъ, ай-да сукинъ сынъ! — Юродивый мой, малой презабавной; на Марину у тебя [.] ибо она полька, и собою преизрядна — (въ родѣ К. Орловой, сказывалъ это я тебѣ?).....»

Нужно всегда имѣть въ виду, что Пушкинъ скрывалъ глубину своего чувства не только тѣмъ, что не называлъ имени той, которую онъ любилъ, но и напускнымъ цинизмомъ. И не напускной - ли цинизмъ звучитъ въ его посланіяхъ и въ эпиграммахъ на Аглаю Давыдову? — Пушкинъ очень грубо, жестоко отзывался о ней и, посылая свою эпигramму брату, писалъ: «Вотъ тебѣ еще эпиграмма, которую ради Христа не распускай, въ ней каждой стихъ — правда.

Иной имѣлъ мою Аглаю
За свой мундиръ и черный усь,
Другой за деньги; понимаю.
Другой за то что былъ Французъ.
Клеонъ — умою ея страшая;
Дамисъ — за то что нѣжно пѣлъ:

Скажи теперь, моя Аглая,
За что твой мужъ тебя имѣль?

Между тѣмъ имя «Аглаи» находится въ первой части Донъ - Жуанскаго списка... Давыдовъ писалъ объ Аглаѣ, что она въ Каменкѣ была «магнитомъ, привлекавшимъ къ себѣ желѣзныхъ дѣятелей Александровскаго времени. Отъ главнокомандующихъ до корнетовъ все жило и ликовало въ Каменкѣ, но — главное — умирало у ногъ прелестной Аглаи». Невольно возникаетъ предположеніе: не умиралъ ли такъ же «у ногъ прелестной Аглаи» и Пушкинъ, и не оскорбленное ли самолюбіе и разочарованіе въ своемъ кумирѣ («Онѣ не стоятъ ни страстей, ни пѣсенъ...») заставило его такъ жестоко преслѣдовать обидѣвшую его красавицу?

Всѣ виды ошибокъ, о которыхъ мы говорили, встрѣчаемъ мы у творцовъ легенды — много ихъ было! — объ единой, вѣчной, «утаенной любви» Пушкина, но особенно распространена основная — отождествленіе жизни и творческаго созданія, а также смѣшеніе разнороднаго матеріала, приуроченіе различныхъ высказываній къ одному явленію. Что сказалъ бы математикъ о такомъ рѣшеніи уравненій со многими неизвѣстными, когда рѣшающій уравненія обозначаетъ всѣ неизвѣстныя одной и той же буквой x ? — Между тѣмъ такъ именно поступаютъ — часто вопреки всякой логикѣ и явной очевидности — создатели и распространители легенды объ «утаенной любви». Нѣкоторые изслѣдователи — такіе, какъ Незеленовъ или Лернеръ — ограничиваются тѣмъ, что говорятъ объ единой, утаенной любви, не называя предмета этой любви; другимъ — М. О. Гершензону, П. Е. Щеголеву (и безконечному числу въ большинствѣ случаевъ бездарныхъ подражателей этого талантливаго изслѣдователя), П. Губеру —

простого констатированія единой любви кажется недостаточнымъ, и они называютъ имя той **единой** женщины, которая внушила Пушкину исключительное и единое, единственное чувство, которое жило въ его душѣ всю жизнь. Но методы и аргументы обѣихъ группъ изслѣдователей одинаковы и одинаково недопустимы.

Комментируя Пушкинскій Донъ - Жуанскій списокъ (въ этомъ комментарий множество грубѣйшихъ ошибокъ), Н. О. Лернеръ пишетъ: «За «Катериною II» слѣдуетъ «N. N.» Эти двѣ таинственныя и ничего не говорящія, ревнивыя буквы «Донъ - Жуанскаго списка» стоятъ въ тѣсной связи съ цѣлымъ рядомъ столь же таинственныхъ мѣстъ въ поэзіи Пушкина (почему? — неизвѣстно; почему они стоятъ въ связи и почему всѣ таинственныя мѣста должны относиться къ однѣмъ и тѣмъ же буквамъ? — М. Г.). Когда Книгопродавецъ спрашиваетъ Поэта, жалующагося на «легкую, вѣтреноую» женскую душу:

Ужели ни одна не стоитъ
Ни вдохновенья, ни страстей
И вашихъ пѣсенъ не присвоить
Всесильной красотѣ своей? —

тотъ отвѣчаетъ...» Лернеръ приводитъ отвѣтъ Поэта, кончающійся стихами:

Увы, напрасныя желанья!
Она отвергла заклинанья,
Мольбы, тоску души моей:
Земныхъ восторговъ изліанья,
Какъ божеству, ненужно ей.

«Предъ нами, продолжаетъ Лернеръ, признаніе самого поэта, что такая любовь была въ его жизни одна (выходить, что Пушкинъ въ 1824 году говорилъ о томъ, что и послѣ 1824 года до 1837 года онъ никого такъ не любилъ, — какъ онъ могъ знать будущее? И

неужели Лернеръ не понимаетъ, что каждая любовь — хотя бы и сто тринадцатая — есть первая и единственная? — М. Г.), и что взаимностью онъ не пользовался (надо бы добавить: она знала о его любви и отвергла ее; Лернеръ этого не добавляетъ и поэтому къ этой же любви относить и посвященіе «Полтавы», въ которомъ говорится не объ отвергнутой, а о **неузнанной** любви. — М. Г.). Эта женщина была выше мелкаго тщеславія, пустаго кокетства, и, можетъ быть (это «можетъ - быть» прекрасно. — М. Г.), о ней говоритъ Пушкинъ въ цитированномъ выше автобіографическомъ отрывкѣ, вспоминая о женщинахъ, которыхъ любилъ: «Toutes se sont passablement moquées de moi; toutes, à l'exception d'une seule, ont fait avec moi les coquettes». Эта любовь, самая святая и самая мучительная изъ всѣхъ, пронесшихся надъ сердцемъ Пушкина, была пережита имъ «тамъ, гдѣ тѣнь, гдѣ листъ чудесный, гдѣ льются вѣчныя струи» (Пушкинъ нигдѣ не говоритъ о томъ, что «эта любовь» была пережита имъ въ Крыму. — М. Г.). Поэтъ писалъ о Крымѣ:

Скажите мнѣ: кто видѣлъ край прелестный,
Гдѣ я любилъ, изгнанникъ неизвѣстный?

(Значитъ ли изъ этого, что Пушкинъ любилъ только въ Крыму? — М. Г.) «Воспоминаніями о ней, нѣжнымъ вздохомъ о ней оканчивается «Бахчисарайскій Фонтанъ»:

Всѣ думы сердца къ ней летятъ,
Объ ней въ изгнаніи тоскую...
Безумецъ! полно, перестань,
Не растравляй тоски напрасной!
Мятежнымъ снамъ любви несчастной
Заплачена тобою дань —
Опомнись! долго ль, узникъ томный,
Тебѣ оковы лобызать

И въ свѣтъ лирою нескромной
Свое безумство разглашать?

Казалось бы, достаточно прочесть окончаніе «Бахчисарайскаго Фонтана», чтобы понять, что Пушкинъ говоритъ не о крымской, а о петербургской, сѣверной любви, любви до его изгнанія на югъ:

Что тѣнь, о други, видѣль я?
Скажите мнѣ: чей образъ нѣжный
Тогда преслѣдовалъ меня
Неотразимый, неизбѣжный?
Маріи ль чистая душа
Являлась мнѣ, или Зарема
Носилась, ревностью дыша,
Средь опустѣлаго гарема?
Я помню столь же милый взглядъ
И красоту еще земную...
Всѣ думы сердца къ ней летятъ;
Объ ней въ изгнаніи тоскую...

Казалось бы, ясно, что Пушкинъ помнитъ милый взглядъ не Маріи, не Заремы и не той женщины, которая была съ нимъ въ изгнаніи, а которая была оставлена имъ — и къ ней «думы сердца летятъ», «объ ней въ изгнаніи» тоскуетъ онъ; но хоть это и ясно, ни Лернеръ, ни Щеголевъ не хотятъ понять этого. Болѣе загадочнымъ является стихъ: «И красоту еще земную»: тогда еще земную? — тогда, въ 1820 году, «еще земную», еще живой женщины, а теперь, въ 1823 году, когда писался «Бахчисарайскій Фонтанъ», уже «не земную», уже не живой женщины?..... Такое толкованіе насъ не удивило бы при воспоминаніи о «Воспоминаніи»:

Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
На играхъ Вакха и Киприды,
И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
Неотразимыя обиды.

И нѣтъ отрады мнѣ — и тихо предо мной
Встають два призрака младые,
Двѣ тѣни милыя — два данные судьбой
Мнѣ ангела во дни былые!
Но оба съ крыльями и съ пламеннымъ мечемъ,
И стерегутъ... и мстятъ мнѣ оба,
И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ
О тайнахъ вѣчности и гроба! . . .

Мы начали цитату со стиха: «Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ», который говоритъ несомнѣнно о времени до изгнанія — не къ этому ли времени относится и одна изъ «милыхъ тѣней»?... — М. Г.).

Послушаемъ дальше Н. О. Лернера: «Объ этой женщинѣ (? — М. Г.) онъ писалъ А. А. Бестужеву (29 июня 1824 г.), браня его за помѣщеніе въ «Полярной Звѣздѣ» трехъ послѣднихъ стиховъ элегии «Рѣдѣеть облаковъ летучая гряда»... и за разглашеніе одного письма поэта (о «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ»), отрывокъ изъ котораго попалъ къ Булгарину и былъ имъ напечатанъ... «Бахчисарайскаго Фонтана» Пушкинъ нѣкоторое время не хотѣлъ даже печатать, потому, что «многія мѣста относятся къ одной женщинѣ (но къ какой? — М. Г.), въ которую былъ очень долго и очень глупо влюбленъ». Еще одно подтвержденіе, что Пушкинъ любилъ эту особу (почему непременно «эту особу»? — М. Г.) въ Крыму, находимъ въ томъ мѣстѣ «Путешествія Онѣгина», гдѣ Пушкинъ описываетъ Крымъ:

А тамъ, межъ хижинокъ Татаръ...

Какой во мнѣ проснулся жаръ!

Какой волшебною тоскою

Стѣснилась пламенная грудь!

Но, Муза! прошлое забудь...

«Но Муза никогда (? — М. Г.) не могла забыть «и гордой дѣвы идеаль, и безыменныя страданья», — и

когда другая красавица пѣла при Пушкинѣ «пѣсни Грузіи печальной», онъ вспоминалъ «призракъ милый, роковой» (казалось бы, слѣдовало обратить вниманіе на образъ «призрака» и на эпитетъ къ нему «роковой»! — М. Г.), «другую жизнь и берегъ дальный», «и степь, и ночь, и при лунѣ черты далекой бѣдной дѣвы»... (почему «гордая дѣва» и «бѣдная дѣва» одно и то же лицо — непонятно. — М. Г.). По могучей силѣ чувства, по щемящей тоскѣ зовущихъ, заклинающихъ чаръ можно предположить, что къ этому призраку изъ «другой жизни», милому и роковому, мысленно обращался поэтъ, когда писалъ свою «Полтаву» (поразительнѣйшая аргументація! — М. Г.). Безъ малѣйшаго упрека, безъ ропота носилъ онъ въ сердцѣ никогда не заживавшую рану отвергнутой, непризнанной любви. «Она отвергла заклинанья, мольбы, тоску», но къ ея ногамъ (? — М. Г.) положилъ поэтъ «Полтаву» и снова (?) сказалъ ей:

Твоя далекая пустыня,
Послѣдній звукъ твоихъ рѣчей —
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей!»

Но великолѣпнѣе всего заключительныя строки Н. О. Лернера объ этой единственной любви: когда нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ хотя бы для превратнаго толкованія, когда нельзя привести никакихъ иллюстрирующихъ цитатъ, на сцену выходитъ интуитивный аргументъ — «навѣрное» —

«Прошли годы. Проклиная въ объятіяхъ красавицы - жены свою «преступную» юность, отрекаясь отъ тѣней прошлаго, Пушкинъ навѣрное сохранилъ въ сердцѣ тайный уголокъ, гдѣ горѣла чистая лампада предъ незапятнаннымъ, не отринутымъ ни разу воспоминаніемъ объ «N. N.», потому что все въ этой любви было

— сокровище и святыня. И пусть она одна могла измѣрить всю глубину любви поэта (это откуда? — М. Г.), пусть ей одной были ясны «стихи неясные» для насъ, — то немного, что сказалъ о ней поэтъ, что внушилъ ему ея милый призракъ, навсегда останется однимъ изъ прекраснѣйшихъ сокровищъ поэзіи Пушкина, драгоценнѣйшимъ достояніемъ, которое завѣщаль намъ великій человѣкъ».

Обратимся къ другой группѣ изслѣдователей, которые назвали эту утаенную любовь, которые раскрыли «таинственные буквы N. N.»: для М. О. Гершензона N. N. — Марія Аркадьевна Голицына - Суворова, для П. Е. Щеголева — Марія Николаевна Раевская - Волконская, для П. Губера — Наталья Викторовна Кочубей - Строганова. Не будемъ останавливаться, ни на первомъ, ни на послѣднемъ имени: П. Е. Щеголевъ такъ убійственно убѣдительно доказалъ несостоятельность гипотезы М. О. Гершензона (въ томъ, что касается М. А. Голицыной), что она не имѣетъ уже никакого кредита; гипотеза Губера не только еще не имѣетъ кредита, но и врядъ-ли когда - нибудь будетъ имѣть его, такъ зыбки, шатки и фантастичны его доводы. Другое дѣло П. Е. Щеголевъ. Исходя изъ факта посвященія «Полтавы» М. Н. Раевской и изъ положенія объ автобіографичности каждаго стиха Пушкина, видя въ каждомъ стихѣ личную исповѣдь и отменяя все, что можетъ противорѣчить его построенію, Щеголевъ создалъ очень красивую легенду объ единственной, нераздѣленной и утаенной любви Пушкина къ М. Н. Раевской, любви, продиктованной ему «Тавриду», «Бахчисарайскій Фонтанъ», «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда», «Цыганъ», «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ», «Полтаву»..., любви, которой питалось все лирическое творчество Пушкина. Легенда, искусно, стройно и интересно рассказан-

ная Щеголевымъ, показалась такой убѣдительною, что она вошла въ обиходъ, и теперь считается едва ли не окончательно установленнымъ, что М. Н. Раевская - Волконская, внушившая такую исключительную любовь поэту, была прототипомъ его главныхъ героинь въ «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ», «Евгеніѣ Онѣгинѣ» и «Полтавѣ». Щеголевская легенда извѣстна каждому гимназисту VII класса и принята и широкой публикой и пушкинизмомъ, и каждый новоиспеченный пушкинистъ считаетъ своимъ долгомъ «внести свой вкладъ» и прибавить еще одно стихотвореніе къ циклу стиховъ, якобы связанныхъ съ «утаенной любовью» къ Раевской, — иначе говоря, еще болѣе запутать вопросъ и подмѣнить истину о Пушкинѣ легендой.

Что мы знаемъ вполне достовѣрнаго объ отношеніяхъ Пушкина и М. Н. Раевской - Волконской и объ отраженіи ея въ творчествѣ Пушкина? Пушкинъ встрѣтился съ ней въ 1820 году, когда генераль Раевскій съ младшимъ сыномъ Николаемъ и двумя младшими дочерьми — четырнадцатилѣтней Маріей (ея возрастъ — 14 лѣтъ! — необходимо запомнить, и необходимо будетъ о немъ вспоминать) и двѣнадцатилѣтней Софіей (вся семья Раевскихъ соединилась только въ Крыму) проѣзжалъ черезъ Екатеринославъ на Кавказъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ М. Н. Раевская - Волконская рассказываетъ: «Отецъ когда - то принялъ участіе въ этомъ бѣдномъ молодомъ человѣкѣ съ такимъ огромнымъ талантомъ, и взялъ его съ собой на Кавказскія воды, т. к. здоровье его было сильно подорвано. Пушкинъ никогда этого не забывалъ; связанный дружбой съ моими братьями, онъ питалъ ко всѣмъ намъ чувство глубокой преданности.

Какъ поэтъ, онъ считалъ долгомъ быть влюбленнымъ во всѣхъ хорошенькихъ женщинъ и молодыхъ дѣ-

Пушкинъ; съ которыми онъ встрѣчался. Мнѣ вспоминается, какъ во время этого путешествія, недалеко отъ Таганрога, я ѣхала въ каретѣ съ Софьей, съ нашей англичанкой, русской няней и компаньонкой. Завидѣвъ море, мы приказали остановиться, вышли изъ кареты и всей гурьбой бросились любоваться моремъ. Оно было покрыто волнами, и не подозрѣвая, что поэтъ шелъ за нами, я стала забавляться тѣмъ, что бѣгала за волной, а когда она настигала меня, я убѣгала отъ нея; кончилось тѣмъ, что я промочила ноги. Понятно, я никому ничего объ этомъ не сказала и вернулась въ карету. Пушкинъ нашель, что эта картина была очень граціозна и, поэтизируя дѣтскую шалость, написалъ прелестные стихи; мнѣ было тогда лишь 15 лѣтъ.

Какъ я завидоваль волнамъ,
Бѣгушимъ бурною чредою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желаль тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устами!

Позже, въ поэмѣ «Бахчисарайскій Фонтанъ» онъ сказалъ:

. ея очи
яснѣе дня,
Темнѣе ночи.

Въ сущности онъ обожаль только свою музу и поэтизироваль все, что видѣль».

Этотъ разсказъ М. Н. Раевской - Волконской больше всего наноситъ ударъ Щеголевской легендѣ. Прежде всего — самый тонъ разсказа, простой, ничего не желающій «утаивать» при вѣрномъ пониманіи Пушкина и его отношеній. М. Н. говоритъ, что поэтъ «быль связанъ дружбою съ моими братьями и ко всѣмъ намъ питаль чувство глубокой преданности», — точно такой характеръ отношенія Пушкина вырисовывается и изъ

его переписки съ братомъ и съ друзьями: поэтъ говорить просто, искренно, открыто, съ чувствомъ глубокой дружбы и преданности о Раевскихъ, и ничто не даетъ основаній думать, что онъ что - то скрываетъ, что-то хочеть «утаить» (см. напр. цитированное выше письмо къ брату). М. Н. говоритъ, что Пушкинъ, въ качествѣ поэта, «считалъ своимъ долгомъ быть влюбленнымъ во всѣхъ хорошенькихъ женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ встрѣчалъ», — это такъ вѣрно, какъ будто она подслушала слова Пушкина о себѣ: «Plus ou moins j'ai été amoureux de toutes les jolies femmes que j'ai connues.....» Говоря это, М. Н. какъ будто даетъ понять, что Пушкинъ былъ влюбленъ и въ нее (въ томъ числѣ, а не какъ - то исключительно), но какъ непохожи ея слова на стихи Пушкина, относимыя къ ней творцами легенды объ «утаенной любви»:

Тамъ сердце ихъ (слова любви) пойметъ одно,
И то съ печальнымъ содроганьемъ:

Судьбою такъ ужъ рѣшено...

Она одна бы разумѣла

Стихи неясные мои...

Увы, напрасныя желанья!

Она отвергла заклинанья,

Мольбы, тоску души моей.....

М. Н. Раевская - Волконская нисколько не скрываетъ (если бы она скрывала! — какъ это говорило бы въ пользу творцовъ легенды!), что въ произведеніяхъ Пушкина есть стихи, связанные съ нею. Больше того: она приводитъ такое мѣсто изъ «Евгенія Онѣгина», которое, при отождествленіи поэтического выраженія съ автобіографическимъ признаніемъ, какъ - будто очень много говоритъ:

Я помню море предъ грозою:

Какъ я завидовалъ волнамъ,

Бѣгушимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устами!
Нѣтъ, никогда средь пылкихъ дней
Кипящей младости моей
Я не желалъ съ такимъ мученьемъ
Лобзать уста молодыхъ Армидъ,
Иль розы пламенныхъ ланить,
Иль перси, полныя томленьемъ;
Нѣтъ, никогда порывъ страстей
Такъ не терзаль души моей!

Но М. Н. понимала то, чего не понимаютъ многие пушкинисты, — что Пушкинъ «поэтизировалъ все, что видѣлъ», что стихи, внушенные дѣтской шалостью, ушли далеко отъ самой дѣтской шалости (какъ и стихотвореніе «Калмычкѣ» ушло далеко отъ того, что послужило для него толчкомъ). Какъ бы то ни было, но послѣ этого мы не въ правѣ подозрѣвать М. Н. въ томъ, что она скрыла тѣ стихи, которые связываютъ съ нею творцы легенды; не скрыла, а значитъ и не знала, а вѣдь

Она одна бы разумѣла

Стихи неясные мои.....

Впрочемъ, она не скрываетъ, что и «Бахчисарайскій Фонтанъ» связанъ съ нею. Но какъ связанъ? — «Позже, въ поэмѣ «Бахчисарайскій Фонтанъ» онъ сказаль:

. ея очи
яснѣ дня,
Темнѣ ночи».

Эти стихи характеризуютъ не Марію, образъ которой написанъ съ особенной лирической выразительностью, а Зарему, не принадлежащую къ семьѣ Татьяны и двухъ Марій («Бахчисарайскаго Фонтана» и «Полта-

вы»). Если допустить, что не только эти стихи, но и вся Зарема списана съ М. Н.¹⁾, что она послужила прототипомъ Заремы, то образъ ревливой и страстной Заремы («Маріи ль чистая душа являлась мнѣ, или Зарема носидась, ревностью дыша, средь опустѣлаго гарема») менѣ всего связывается съ угаенной и нераздѣленной, непризнанной любовью.

Вотъ и все, что мы знаемъ вполнѣ достовѣрнаго объ отношеніяхъ Маріи Раевской и Пушкина и объ отраженіи ея въ творествѣ Пушкина. Замѣтимъ по пути, что меньше всего къ ней могутъ относиться стихи —

А тамъ, межъ хижинокъ Татаръ...

Какой во мнѣ проснулся жаръ! —

т. к. въ Крыму Пушкинъ изъ сестеръ Раевскихъ встрѣтился со старшими — Екатериной и Еленой, въ обществѣ же Маріи онъ путешествовалъ и по Кавказу.

Менѣ достовѣрнымъ, но весьма вѣроятнымъ, является фактъ посвященія «Полтавы» М. Н. Раевской - Волконской. До изслѣдованія Щеголева любопытство

¹⁾ В. И. Туманскій писалъ въ 1823 году о М. Н. Раевской: «Марія — идеаль Пушкинской черкешенки (собственное выраженіе поэта) — дурна собою, но очень привлекательна острою разговоровъ и нѣжностью обращенія». Если Туманскій не смѣшалъ черкешенку съ грузинкой — героиню «Кавказскаго Пльнника» съ грузинкой Заремой (что очень вѣроятно), то М. Н. Раевскую приходится считать прототипомъ героини «Кавказскаго Пльнника». Такое допущеніе еще ничуть не свидѣтельствуетъ о любви Пушкина къ М. Н.: поэтъ говорилъ, что онъ взялъ себя въ герои «Кавказскаго Пльнника», пльнникъ же, подобно Пушкину въ это время, жилъ воспоминаніями о прошломъ, покинутомъ имъ, и когда ему предстала молодая прекрасная черкешенка —

Не могъ онъ сердцемъ отвѣчать

Любви младенческой, открытой.

Въ немъ (какъ въ Онѣгинѣ) шевельнулось нѣжное чувство къ черкешенкѣ, но онъ не далъ «привычкѣ милой ходу», ибо и Кавказъ не могъ исцѣлить «прежнихъ сердца ранъ, глубокихъ ранъ любви».

пушкинистовъ только мучилось вопросомъ о томъ, кому посвящена «Полтава», къ кому Пушкинъ обратился со словами:

Тебѣ — но голосъ музы темной
Коснется ль уха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?
Иль посвященіе поэта,
Какъ нѣкогда его любовь,
Передъ тобою безъ отвѣта,
Пройдетъ, непризнанное вновь?
Узнай, по крайней мѣрѣ, звуки,
Бывало, милые тебѣ —
И думай, что во дни разлуки,
Въ моей измѣнчивой судьбѣ,
Твоя печальная пустыня,
Послѣдній звукъ твоихъ рѣчей —
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

Въ черновикахъ посвященія «Полтавы» Щеголевъ нашель зачеркнутый стихъ «Сибири хладная пустыня» и заключилъ изъ него, что Пушкинъ посвятилъ свою поэму М. Н. Волконской, послѣдовавшей за мужемъ въ Сибирь. Правда, что Щеголеву можно возразить, что черезъ строчку выше читается и другой стихъ, который можетъ находиться въ связи съ нимъ — «Что безъ тебя свѣтъ міръ» (и тогда упоминаніе о Сибири не локализируетъ ту, къ которой Пушкинъ обратился съ посвященіемъ «Полтавы»); такъ и возражалъ Щеголеву М. О. Гершензонъ, но нельзя не замѣтить искусственности такого возраженія, и нужно признать, что фактъ посвященія «Полтавы» М. Н. Раевской - Волконской очень, очень вѣроятенъ, почти (но все же не вполне) достовѣренъ. Посвященіе «Полтавы» М. Н. Волконской

тѣмъ болѣе вѣроятно, что, какъ она пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, Пушкинъ «во время добровольнаго изгнанія въ Сибирь женъ декабристовъ» «былъ полонъ искренняго восторга», и понятно, что онъ могъ желать выразить свой восторгъ посвященіемъ своей поэмы¹⁾. Но такъ ли много говорить это посвященіе, и можно ли связывать стихи «какъ нѣкогда его любовь (а въ черновикѣ и еще выразительнѣе: «какъ утаенная любовь» — утаенная, конечно, не отъ читателей, а отъ нея, отъ той, кому посвящена «Полтава») передъ тобою безъ отвѣта пройти, непризнанное вновь» со стихами:

Она отвергла заклинанья,
Мольбы, тоску души моей...?

И неужели каждое слово поэтического произведенія надо понимать буквально — особенно въ посвященіи (мы знаемъ, какія посвященія дѣлались въ XVIII вѣкѣ, и если на основаніи ихъ говорить объ отношеніяхъ авторовъ ихъ къ лицамъ, которымъ они посвящали свои произведенія.....)? Не придется ли въ такомъ случаѣ говорить и объ увлеченіи Пушкина калмычкой?

Всѣ остальные догадки П. Е. Щеголева, всѣ приуроченія другихъ стихотвореній къ М. Н. Раевской его и его послѣдователей и подражателей, или лишены всякихъ серьезныхъ основаній, сомнительны и спорны, или завѣдомо невѣрны.

¹⁾ Замѣтимъ, что посвященіе «Полтавы» не первая дань женѣ декабриста; въ 1827 году Пушкинъ написалъ эпитафію младенцу князю Волконскому:

Въ сіяніи и въ радостномъ покоѣ,
У трона вѣчнаго Творца,
Съ улыбкой онъ глядитъ въ изгнаніе земное,
Благословляетъ мать и молить за отца.

Эта эпитафія обычно замалчивается творцами легенды, и понятно почему: ея характеръ таковъ, что не можетъ укрѣплять легенду объ единой исключительной любви къ М. Н. Раевской - Волконской.

Можно съ увѣренностью утверждать, что выпущенный Пушкинымъ въ «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ» «любовный бредъ» не имѣеть никакого отношенія къ М. Н. Раевской, и что не ея разсказъ — легенду о фонтанѣ слезъ — перелагалъ въ стихи Пушкинъ.

25 августа 1823 г., изъ Одессы, Пушкинъ писалъ своему брату: «Здѣсь Туманскій. Онъ добрый малый, да иногда вретъ — на пр. онъ пишетъ въ П. Б. письмо, гдѣ говоритъ между прочимъ обо мнѣ: Пуш. открылъ мнѣ немедленно свое сердце и portefeuille, любовь и пр..... Фраза достойная Козлова; дѣло въ томъ, что я прочелъ ему отрывки изъ Бахчисарайскаго Фонтана (новой моей поэмы) сказавъ, что я не желалъ бы ее напечатать потому что многія мѣста относятся къ одной женщинѣ, въ которую я былъ очень долго и очень глупо влюбленъ, и что роль Петрарки мнѣ не по нутру — Туманскій принялъ это за сердечную довѣренность и посвящаетъ меня въ Шаликовы — помогите!» Письмо кончается фразой: «Такъ и быть я Вяземскому пришло Фонтанъ — выпустивъ любовный бредъ — а жаль!»

Мы приводили выше этотъ «любовный бредъ» («я помню столь же милый взглядъ и красоту еще земную; всѣ думы сердца къ ней летятъ, объ ней въ изгнаніи тоскую») и знаемъ, что онъ не имѣеть никакого отношенія ни къ Маріи Николаевнѣ и ни къ какой другой Раевской, такъ какъ говорить о любви Пушкина до того времени, какъ онъ «покинулъ сѣверъ наконецъ».

Столь же основательно и утверженіе, будто Пушкинъ перелагалъ въ стихи легенду, разсказанную ему М. Н. Раевской. Это утверженіе - недоразумѣніе основано на письмѣ поэта къ А. А. Бестужеву отъ 8 февраля 1824 года: «Радуюсь что мой Фонтанъ шумить. Недостатокъ плана не моя вина. Я суевѣрно перекладывалъ въ стихи разсказъ молодой женщины

Aux douces loix des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve.

Впрочемъ я писалъ его единственно для себя». Письмо это попало къ Ѳ. В. Булгарину, который напечаталъ приведенную нами выдержку, предпославъ ей объясненіе: «Авторъ сей поэмы писалъ къ одному изъ своихъ пріятелей въ Петербургъ». Это опубликованіе его частнаго, дружескаго письма привело въ негодованіе Пушкина. Къ гнѣву Пушкина намъ еще придется вернуться, теперъ же замѣтимъ, что поэтъ имѣлъ основаніе сердиться, но только на самый фактъ опубликованія его частнаго письма, а никакъ не на содержаніе его, такъ какъ совсѣмъ не хотѣлъ скрывать, что онъ «суевѣрно перекладывалъ въ стихи разсказъ молодой женщины» (кстати сказать, меньше всего можно подразумѣвать подъ «молодой женщиной» четырнадцатилѣтняго подростка, М. Н. Раевскую). Мы говоримъ — не хотѣлъ скрывать — потому что въ самой поэмѣ онъ не исключилъ мѣста, въ которомъ говорилъ, что

Младья дѣвы въ той странѣ
Преданье старины узнали,
И мрачный памятникъ онѣ
Фонтаномъ слезъ именовали.

Еще любопытнѣе: въ декабрѣ 1824 года Пушкинъ пишетъ для публики комментарий къ «Бахчисарайскому Фонтану» въ формѣ письма къ Д*** (т. е. къ барону А. А. Дельвигу), въ которомъ говорить: «Въ Бахчисарай приѣхалъ я больной. Я прежде слыхалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана. К** поэтически описывала мнѣ его, называя *la fontaine des larmes*¹⁾. Вошедъ

¹⁾ Въ этомъ письмѣ Пушкинъ говоритъ о жизни въ Гурзуфѣ и тѣмъ самымъ какъ будто наводитъ на мысль, что «К» — Раевская, то, что, по мнѣнію изслѣдователей, онъ хотѣлъ скрыть!

во дворець, увидѣль я изпорченный фонтанъ; изъ заржавой желѣзной трубки по каплямъ падала вода. Я обошелъ дворець съ большой досадою на небреженіе, въ которомъ онъ изтлѣваетъ, и на полуевропейскія передѣлки нѣкоторыхъ комнатъ. N. N.¹⁾ почти насильно повелъ меня по ветхой лѣстницѣ въ развалины гарема и на ханское кладбище.

Но не тѣмъ

Въ то время сердце полно было:

лихорадка меня мучила».

Эта таинственная буква «К» замучила пушкинистовъ: какія только объясненія ни предлагались для расшифровки ея! И какъ связать эту «К» съ «молодой женщиной», рассказъ которой Пушкинъ «суевѣрно» перекладывалъ въ стихи? — Письмо къ Бестужеву говоритъ какъ будто о томъ, что «молодая женщина» рассказывала Пушкину легенду о Бахчисарайскомъ Фонтанѣ въ Крыму, между тѣмъ какъ въ письмѣ къ Дельвигу онъ говоритъ опредѣленно, что слышалъ рассказъ до поѣздки въ Крымъ («я прежде слыхалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана») — очевидно, еще на сѣверѣ. Еще опредѣленнѣе объ этомъ говорится въ предполагавшемся посвященіи поэмы Н. Н. Раевскому:

Давно печальное преданье
Повѣдали мнѣ въ первый разъ.
Тогда я въ думы углубился;
Но не надолго рѣзвый умъ,
Забывъ веселыхъ оргій шумъ,
Невольно грустью омрачился.

Эти стихи отчетливо рисуютъ петербургскую об-

¹⁾ Очевидно, Н. Н. Раевскій, которому Пушкинъ хотѣлъ посвятить поэму.

становку жизни Пушкина. А въ черновикѣ посвященія Пушкинъ называетъ и того, кто повѣдалъ ему преданье:

Давно печальное преданье

Ты мнѣ повѣдалъ въ первый разъ.

Если бы стихъ «Ты мнѣ повѣдалъ въ первый разъ» замѣнилъ собою окончательное чтеніе, можно было бы предположить, что Пушкинъ хотѣлъ замаскировать имъ истину, но не онъ замѣнилъ другое чтеніе, а онъ былъ замѣненъ..... Откуда же взялось — «я суевѣрно пере-кладывалъ въ стихи рассказъ молодой женщины?» — Для пониманія этого нужно вспомнить и предыдущую фразу въ письмѣ къ Бестужеву: «Недостатокъ плана не моя вина». — Пушкинъ ясно сознавалъ недостатки плана во всѣхъ своихъ южныхъ поэмахъ (въ «Кавказскомъ Пльнникѣ», въ «Братьяхъ - Разбойникахъ», недостатки котораго онъ оправдывалъ тѣмъ, что онъ якобы сжегъ поэму и только одинъ отрывокъ уцѣлѣлъ въ рукахъ Н. Н. Раевского.....) и старался найти какое -нибудь оправданіе этимъ недостаткамъ.

Въ заключеніе зададимъ вопросъ: какое значеніе имѣеть то, отъ кого Пушкинъ слышалъ преданіе о «странномъ памятникѣ влюбленнаго хана» и какое отношеніе это имѣеть къ «утаенной любви»?

Нѣтъ никакихъ оснований утверждать, какъ это дѣлаетъ Щеголевъ, что элегія «Рѣдѣть облаковъ летучая гряда» относится также къ М. Н. Раевской.

Въ 1820 году, въ Каменкѣ, Пушкинъ написалъ двѣ элегіи — «Нереида» и «Таврическая Звѣзда», которыя онъ позже печаталъ подъ общимъ заглавіемъ «Эпиграмы во вкусъ древнихъ»:

Нереида.

Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду,
На утренней зарѣ я видѣлъ Нереиду.

Сокрытый межъ оливъ,¹⁾ едва я смѣлъ дохнуть:
Надъ ясной влагою полубогиня грудь
Младую, бѣлую какъ лебедь, воздымала
И пѣну изъ власовъ струею выжимала.

Таврическая Звѣзда²⁾).

Рѣдѣеть облаковъ летучая гряда.
Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
Твой лучъ осеребрилъ увядшія равнины,
И дремлющій заливъ, и черныхъ скалъ вершины.
Люблю твой слабый свѣтъ въ небесной вышинѣ,
Онъ думы разбудилъ, уснувшія во мнѣ.
Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило,
Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило,
Гдѣ стройно тополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ,
И сладостно шумять таврическія³⁾ волны.
Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь,
Когда на хижины сходила ночи тѣнь
И дѣва юная во мглѣ тебя искала
И именемъ своимъ подругамъ называла.

Объ элегии до такой степени окрашены крымскимъ колоритомъ, что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что онѣ говорятъ о тѣхъ счастливѣйшихъ трехъ недѣляхъ, которыя Пушкинъ провелъ въ Гурзуфѣ въ семействѣ Раевскихъ. Почти несомнѣнно, что «полубогиня» и «дѣва юная» — Раевская, но какая Раевская? — Екатерина (имя которой мы находимъ въ Донъ - Жу-

1) Въ печати: межъ деревь.

2) Въ печати нѣтъ заглавія.

3) Въ печати: полуденныя. Всѣ эти исправленія въ печати вызваны во всякомъ случаѣ не желаніемъ устранить возможность приуроченія стихотворенія къ Крыму, т. к. крымскій колоритъ отчетливо сохраненъ — «Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду».

анскомъ списокѣ Пушкина)? Елена (которой Пушкинъ посвятилъ элегію «Увы, зачѣмъ она блистаетъ» съ заключительными стихами: «Смотрю на всѣ ея движенья, внимаю каждый звукъ рѣчей, и мигъ единый разлученья ужасенъ для души моей»¹⁾? Марія (дѣтскую шалость которой поэтъ увѣковѣчилъ въ «Евгеніѣ Онѣгинѣ»²⁾? И объ одной и той же ли Раевской говорится въ этихъ двухъ элегіяхъ?³⁾. Да и наконецъ объ одной и той же ли женщинѣ идетъ рѣчь.

Послѣдніе три стиха второй элегіи загадочны сами по себѣ:

Когда на хижины сходила ночи тѣнь
И дѣва юная во мглѣ тебя искала
И именемъ своимъ подругамъ называла.

«Звѣзду печальную, вечернюю звѣзду» «дѣва юная» называла своимъ подругамъ «своимъ именемъ». Какимъ именемъ: Екатерины? Маріи? Елены? — но такихъ звѣздъ нѣтъ⁴⁾. Мы знаемъ «вечернюю звѣзду» Венеру (въ противоположность утренней — Аврорѣ), и

¹⁾ Какъ еще на основаніи этихъ стиховъ не создали легенды!

²⁾ Кажется, можно не ставить вопроса о двѣнадцатилѣтней Софьѣ?

³⁾ Не слѣдуетъ придавать большаго значенія, но нельзя вовсе игнорировать разсказа К. Данзаса о томъ, что одна изъ Давыдовыхъ показывала себя Пушкину совершенно обнаженной. Т. к. стихотвореніе «Нереида» написано въ Каменкѣ, то, съ извѣстной натяжкой, можно было бы предполагать, что «Таврида» въ этой элегіи маскируетъ подлинное мѣсто.

⁴⁾ Ссылки Вячеслава Иванова на католическую символику, въ которой Вечерняя Звѣзда именуется иногда «Звѣздою Маріи», такъ же точно не выдерживаютъ критики, какъ и ссылка П. Губера на стихъ Горация «*fratres Helenaе lumina sidera*» (Гораций говоритъ о созвѣздіи Кастора и Поллукса, а не о звѣздѣ Елены). Между прочимъ, звѣзда «Елена» существуетъ, но..... она была открыта только въ 1868 году.

нужно думать, что именно Венеру — богиню любви и искала во мглѣ «дѣва юная». Но какимъ образомъ Екатерина, или Елена, или Марія могли быть «Венерой»?

Женскаго имени Венеры мы не знаемъ, но знаемъ Венеру — богиню любви, именемъ которой Пушкинъ могъ назвать женщину - красавицу, достойную этого имени, достойную имени богини любви. И подобно тому, какъ въ «Нереидѣ» онъ видѣлъ «полубогиню», подобно этому въ «Таврической Звѣздѣ» богиня Венера — женщина называетъ своимъ именемъ звѣзду — Венеру.

Три стиха, загадочные и сами по себѣ, становятся еще болѣе загадочными вслѣдствіе того, что Пушкинъ не хотѣлъ ихъ печатать, скрывалъ ихъ. Отъ кого хотѣлъ — и такъ ревниво — скрыть ихъ поэтъ? — Не отъ читателей, не отъ друзей — потому что они не выдаютъ никакой тайны его сердца, никого не компрометируютъ: что говорить читателямъ загадочное исканіе какой - то юной дѣвой вечерней звѣзды?¹⁾ Гдѣ тутъ «любовный бредъ»? И не болѣе ли выдаетъ поэта «Нереида», въ которой названъ Крымъ — «Таврида», гдѣ поэтъ, сокрытый межъ деревьевъ, видѣлъ грудь полубогини? — Между тѣмъ «Нереиду» Пушкинъ печаталъ полностью, возстановивъ выпущенныя Бестужевымъ слова: «младую, бѣлую какъ лебедь»... Отъ кого еще поэтъ могъ скрывать загадочные стихи: отъ той, къ кому они относятся? И между тѣмъ Пушкинъ искренно былъ огорченъ, когда А. А. Бестужевъ напечаталъ элегію «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда» полностью и писалъ ему 12 января 1824 года: «Конечно. я на тебя сердить и готовъ, съ твоего позволенія, браниться, хоть до зав-

¹⁾ О томъ, что Пушкинъ не думалъ тутъ о читателяхъ и журналахъ, говорить и его письмо къ Бестужеву, о которомъ будетъ рѣчь ниже.

тра. Ты напечаталъ именно тѣ стихи, объ которыхъ именно я просилъ тебя: ты не знаешь, до какой степени это мнѣ досадно. Ты пишешь, что безъ трехъ послѣднихъ стиховъ элегія не имѣла бы смысла. Велика важность! а какой же смыслъ имѣеть:

**Какъ ясной влагою полубогиня грудь
— — — — — вздымала**

или

съ болѣзнью и тоской

Твои глаза, и проч. ?¹⁾

Я давно уже не сержусь за опечатки, но въ старину мнѣ случалось забалтываться стихами, и мнѣ грустно видѣть, что со мною поступаютъ какъ съ умершимъ, не уважая ни моей воли, ни бѣдной собственности». Скоро Пушкинъ остылъ, и 8-го февраля началъ письмо тому же А. А. Бестужеву такими словами: «Ты не получилъ видно письма моего — не стану повторять то чего довольно и на одинъ разъ». И дѣйствительно: во всемъ письмѣ нѣтъ ни слова о загадочной элегіи. Это то письмо и было перехвачено Ѡ. В. Булгаринимъ, который напечаталъ приведенную нами выдержку о «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ». И вдругъ... Вдругъ Пушкинъ пишетъ Бестужеву (29 іюня 1824): «Милый Бестужевъ, ты ошибся думая что я сердить на тебя — лѣнь одна мнѣ помѣшала отвѣчать на послѣднее твое письмо (другова я не получалъ)²⁾. Булгаринъ другое дѣло. Съ этимъ человѣкомъ опасно переписываться. Гораздо веселѣе его читать. Посуди самъ: мнѣ случилось когда то быть влюблену безъ памяти. Я обыкновенно въ такомъ

¹⁾ Такъ была напечатана въ Полярной Звѣздѣ другая элегія Пушкина («Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты»), относящая къ Ризничѣ.

²⁾ Къ сожалѣнію, письмо А. А. Бестужева къ Пушкину не сохранилось.

случаѣ пишу элегіи, какъ другой. — Но пріятельское ли дѣло вывѣшивать на показъ мои мокрыя простыни? Богъ тебя проститъ! но ты остранилъ меня въ нынѣшней Звѣздѣ — напечатавъ 3 послѣднія стиха моей Элегіи; чортъ дернулъ меня написать еще къ стати о Бахч. Фонт. какія - то чувствительныя строчки и припомнить тутже элегическую мою красавицу. — Вообрази мое отчаяніе когда увидѣлъ ихъ напечатанными. — Журналъ можетъ попасть въ ея руки. — Чтожъ она подумаетъ видя съ какой охотою бесѣдую объ ней съ однимъ изъ П. Б. моихъ пріятелей. Обязана-ли она знать, что она не названа, что письмо распечатано и напечатано Булгаринымъ — что проклятая Элегія доставлена тебѣ чортъ знаетъ кѣмъ — и что никто не виноватъ. — Признаюсь, одной мыслию этой женщины дорожу я болѣе чѣмъ мнѣніями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ и всей нашей публики. — Голова у меня закружилась. Я хотѣлъ просто напечатать въ Вѣстн. Евр. (единственномъ журналѣ на котораго не имѣю права жаловаться) что Булг. не былъ въ правѣ пользоваться перепискою двухъ частныхъ лицъ еще живыхъ безъ согласія ихъ собственнаго. Но перекрестясь предаль это все забвенію».

Такъ какъ въ письмѣ къ Бестужеву, перехваченномъ Булгаринымъ, «элегическая красавица» (т. е. героиня элегіи) не была упомянута, и такъ какъ со времени того письма прошло 5 мѣсяцевъ, то единственное объясненіе, какое мы можемъ придумать, заключается въ томъ, что Пушкинъ забылъ свое предыдущее письмо, въ которомъ говорилъ «Не стану повторять то чего довольно и на одинъ разъ», а можетъ быть и не видѣлъ выдержки, напечатанной Булгаринымъ¹⁾. Какъ бы

¹⁾ Возможно, что ему писали о выходкѣ Булгарина, но не прислали самаго журнала.

то ни было, но это письмо нисколько не приближает насъ къ разрѣшенію загадки, заданной Пушкинымъ исключеніемъ трехъ стиховъ (такъ въ послѣдствіи Пушкинъ и печаталъ ее) изъ элегіи «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда» и не позволяетъ намъ назвать имя «юной дѣвы». Отождествленіе Щеголева «элегической красавицы» съ «молодой женщиной», рассказъ которой Пушкинъ якобы перелагалъ въ стихи, кажется намъ весьма мало убѣдительнымъ, а имя, которое Щеголевъ называетъ — Маріи Николаевны Раевской — и совсѣмъ сомнительнымъ: если нужно выбирать «молодую женщину» и «элегическую красавицу», въ семействѣ Раевскихъ, то больше оснований останавливаться на Екатеринѣ Николаевнѣ Раевской - Орловой, имя которой мы находимъ въ Донъ - Жуанскомъ спискѣ Пушкина, чѣмъ на четырнадцатилѣтней «молодой женщинѣ» — Маріи Николаевнѣ Раевской - Волконской.

Остается нерѣшеннымъ еще и другой вопросъ: почему Пушкинъ, печатая полностью «Нереиду», такъ болѣзненно отнесся къ напечатанію Бестужевымъ трехъ послѣднихъ стиховъ «Таврической Звѣзды» и въ дальнѣйшемъ ревниво скрывалъ ихъ, обрывая печатный текстъ элегіи на запятой? Что въ нихъ, въ этихъ трехъ стихахъ? —

Когда на хижины сходила ночи тѣнь
И дѣва юная во мглѣ тебя искала
И именемъ своимъ подругамъ называла.

Что въ томъ, что «дѣва юная» искала на небѣ звѣзду — Венеру, указывала ее «подругамъ» (даже не другу, а подругамъ, даже не «съ улыбкой», какъ поэтъ написалъ сперва) и называла своимъ именемъ? И почему у Пушкина «голова закружилась», и онъ пришелъ въ отчаяніе при мысли, что журналъ попадетъ въ ея руки? Почему эти три стиха въ связи съ его невиннымъ

письмомъ должны такъ уронить его въ глазахъ этой женщины, что онъ пишетъ: «Признаюсь, одной мыслию этой женщины дорожу я болѣе чѣмъ мнѣніями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ?» Не настаивая на полной безспорности, предложимъ объясненіе, кажущееся намъ не самымъ правдоподобнымъ, но почти совершенно несомнѣннымъ.

И по одновременности написанія, и по одновременности напечатанія (въ «Полярной Звѣздѣ») оба стихотворенія — и «Нереида», и «Таврическая Звѣзда» тѣсно связаны между собою, и только эта связь ихъ и можетъ ронять его въ глазахъ той женщины, мнѣніемъ которой онъ такъ дорожилъ.

Что такое «Нереида» сама по себѣ, взятая отдѣльно? — Прекрасное антологическое стихотвореніе, прекрасная картина «въ духѣ древнихъ».

Что такое «Таврическая Звѣзда» безъ послѣднихъ трехъ стиховъ? — Прекрасное антологическое стихотвореніе, прекрасная картина у полуденнаго моря, элегически оживленная тѣнью поэта —

Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь.

Послѣдніе три стиха, не содержащіе никакого «любовнаго бреда», милые и невинные — о миломъ и невинномъ **фактѣ**, не заключаютъ въ себѣ ничего, что побуждало бы ихъ скрывать... Но, при связи съ «Нереидой», они этимъ фактомъ приобрѣтаютъ значеніе ключа, который **необходимо скрыть**. «Дѣва юная», искавшая Венеру, прочтя ихъ и связавъ ихъ съ «Нереидой», иначе пойметъ это антологическое стихотвореніе¹⁾.

Картина въ ея глазахъ можетъ получиться дѣй-

¹⁾ И пойметъ, можетъ быть, невѣрно, потому что «дѣва юная» и «полубогиня» могли быть различными лицами.

ствительно очень некрасивая, такая некрасивая, что есть, отъ чего «закружиться головѣ». Поэтъ идеалистично влюбленъ въ юную дѣву и.... какъ школьникъ съ воспаленнымъ воображеніемъ, прячась между деревьями, подглядываетъ, какъ она купается..... Что дѣйствительно подумаетъ она, если журналъ попадетъ ей въ руки?... При такомъ объясненіи понятно и то, почему поэтъ такъ скрывалъ эти три стиха, и то, почему онъ пришелъ въ такое отчаяніе и восклицалъ: «Признаюсь, одной мыслию этой женщины дорожу я болѣе чемъ мнѣніями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ и всей нашей публики».

Не только сомнительно и спорно, но безусловно - невѣрно утвержденіе П. Е. Щеголева, будто и любовный бредъ въ «Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ» также относится къ М. Н. Раевской. Напомнимъ отвѣтъ поэта книгопродавцу:

Зачѣмъ поэту

Тревожить сердца тяжкій сонъ?
Безплодно память мучить онъ.
И что жъ? какое дѣло свѣту?
Я всѣмъ чужой. Душа моя
Хранить ли образъ незабвенный?
Любви блаженство зналъ ли я?
Тоскою ль долгой изнуренный,
Таилъ я слезы въ тишинѣ?
Гдѣ та была, которой очи,
Какъ небо, улыбались мнѣ?
Вся жизнь, одна ли, двѣ ли ночи?

.....
И что жъ? Докучный стонъ любви,
Слова покажутся мои
Безумца дикимъ лепетаньемъ.
Тамъ сердце ихъ пойметъ одно,

И то съ печальнымъ содроганьемъ:
Судьбою такъ ужъ рѣшено.
Съ кѣмъ подѣлюсь я вдохновеньемъ?
Одна была — предъ ней одной
Дышалъ я чистымъ упоеньемъ
Любви поэзіи святой.
Тамъ, тамъ, гдѣ тѣнь, гдѣ листъ чудесный,
Гдѣ льются вѣчныя струи,
Я находилъ огонь небесный,
Сгорая жаждою любви.
Ахъ, мысль о той души завялой
Могла бы юность оживить,
И сны поэзіи бывалой
Толпою снова возмутить!
Она одна бы разумѣла
Стихи неясные мои;
Одна бы въ сердцѣ пламенѣла
Лампадой чистою любви.
Увы, напрасныя желанья!
Она отвергла заклинанья,
Мольбы, тоску души моей:
Земныхъ восторговъ изліянья,
Какъ божеству, не нужно ей.

Увлеченные словами «Одна была», творцы легенды объ единой «утаенной» любви не обратили вниманія на то, что поэтъ говоритъ не объ «утаенной», а объ «отвергнутой» любви — «дьявольская разница». Еще меньше вниманія они обратили на болѣе важное (фактически болѣе важное) обстоятельство: «Разговоръ Книгопродавца съ Поэтомъ» написанъ въ Михайловскомъ въ сентябрѣ 1824 года (черновикъ «Разговора» имѣетъ помѣтку 26 сентября 1824), а Пушкинъ печаталъ его подъ 1823 годомъ и очень заботился о томъ, чтобы была поставлена невѣрная дата (объ этомъ онъ

писалъ брату 4 декабря: «Нельзя - ли еще подъ разговоромъ поставить число 1823 годъ»). Очевидно, что Пушкинъ хотѣлъ скрыть событія своей личной жизни, жизни своего сердца 1824 года, и уже по одному этому приуроченіе «Разговора» къ М. Н. Раевской лишено всякихъ основаній.

Въ какой обстановкѣ Пушкинъ писалъ «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ», мы знаемъ: онъ находился въ Михайловскомъ, но душою жилъ въ Одессѣ, въ которой былъ «могучей страстью очарованъ». Приблизительно въ это время (въ началѣ октября) поэтъ писалъ княгинѣ В. Ѳ. Вяземской въ Одессу: «*Tout ce qui me rappelle la mer m'attriste — le bruit d'une fontaine me fait mal à la lettre — je crois qu'un beau ciel me feroit pleurer de rage, но слава à dieu: небо у насъ сивое, а луна точная рѣпа*»; и въ концѣ письма: «*Ne montrez cette lettre que à ceux que j'aime et qui prennent à moi l'intéret de l'amitié et non de la curiosité — au nom du ciel, un mot d'Odessa.....*»

Въ это же время Пушкинъ пишетъ элегію:

Ненастный день потухъ; ненастной ночи мгла

По небу стелется одеждою свинцовой;

Какъ привидѣніе, за рощею сосновой

Луна туманная взошла...

Все мрачную тоску на душу мнѣ наводитъ.

Далеко, тамъ, луна въ сіяніи восходитъ;

Тамъ воздухъ напоенъ вечерней теплотой;

Тамъ море движется роскошной пеленой

Подъ голубыми небесами...

Вотъ время: по горѣ теперь идетъ она

Къ брегамъ, потопленнымъ шумящими волнами;

Тамъ, подъ завѣтными скалами,

Теперь она сидитъ печальна и одна...

Одна . . . никто предъ ней не плачетъ, не
тоскуеть;

Никто ея колѣнъ въ забвеньи не цѣлуетъ;

Одна . . . ничимъ устами она не предаеть

Ни плечъ, ни влажныхъ устъ, ни персей бѣло-
снѣжныхъ.

.....

.....

.....

Никто ея любви небесной не достоинъ.

Не правда ль: ты одна... ты плачешь... я спо-
коенъ;

.....

Но если

И для этой элегии мы должны дать ту же историче-
скую справку, что и для «Разговора книгопродавца съ
поэтомъ»: и эта элегия была написана въ 1824 году въ
Михайловскомъ, и ее Пушкинъ печаталъ подъ 1823 го-
домъ, скрывая истинную дату написанія — 1824 годъ.
И «Разговоръ», и элегия ведутъ насъ къ большой любви
Пушкина 1824 года, лирически богато отразившейся въ
творчествѣ Пушкина, — къ графинѣ Елизаветѣ Кса-
верьевнѣ Воронцовой, «Элизѣ» Донъ - Жуанскаго спи-
ска, его «Татьянѣ», какъ называлъ ее А. Н. Раевскій
въ письмѣ къ Пушкину¹⁾. Осенью 1824 года Пушкинъ

¹⁾ Только въ видѣ курьеза отмѣтимъ, до какой нелѣп-
сти доходятъ слишкомъ рьяные послѣдователи Щеголева.
Недавно намъ пришлось читать, что и въ элегии «Ненасный
день потухъ» Пушкинъ говоритъ «несомнѣнно» о М. Н. Ра-
евской, и что элегия написана Пушкинымъ тогда, «когда до
него дошелъ слухъ, что она выходитъ замужъ за князя Вол-
конскаго»: «Это воспоминаія о Крымѣ 1820 г. Это было
прощаніе Пушкина съ той, которая выходила замужъ за дру-
гого». Нелѣпость этого утвержденія такъ очевидна, что не
хочется объ этомъ даже говорить: Пушкинъ въ началѣ эле-
гии рисуетъ не прошлое, а настоящее — унылый пейзажъ

закончилъ третью главу «Евгенія Онѣгина», начатую еще въ Одессѣ, и послѣ этого приступилъ къ четвертой главѣ. Одна изъ начальныхъ строфъ четвертой главы содержитъ въ себѣ стихи, которые естественно напоминаютъ «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ»:

Но есть одна межъ ихъ толпою.....
Я долго былъ плѣненъ одною.
Но былъ ли я любимъ? И кѣмъ?
И гдѣ? И долго ли? Зачѣмъ
Вамъ это знать. Не въ этомъ дѣло:
Что было, то прошло, то вздоръ.
А дѣло въ томъ, что съ этихъ поръ
Во мнѣ ужъ сердце охладѣло;
Закрылось для любви оно,
И все въ немъ пусто и темно.

Врядъ - ли могутъ быть какія - нибудь сомнѣнія въ томъ, что и «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ», и элегія «Ненастный день потухъ», и начальные строфы IV-ой главы «Евгенія Онѣгина», объединенныя и общностью времени (они написаны въ приведенномъ нами порядкѣ) и общностью тона и еще болѣе отдѣльныхъ образовъ и выраженій, относятся къ одному и тому же поэтически - претворенному чувству, внушенному однимъ и тѣмъ же лицомъ — Е. К. Воронцовой, которая прошла далеко не мимолетной тѣнью въ жизни и творчествѣ Пушкина. Осенью 1824 года (ею въ большой

Михайловскаго — и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, что и въ письмѣ къ княгинѣ Вяземской, и дальше говоритъ о томъ, что происходитъ сейчасъ, теперь: въ то время, какъ здѣсь «ненастной ночи мгла по небу стелется одеждою свинцовой», тамъ, теперь «луна въ сіяніи восходитъ», повторяя все время «теперь»:

Вотъ время: по горѣ теперь идетъ она
Къ брегамъ, потопленнымъ шумящими волнами;
Тамъ, подъ завѣтными скалами,
Теперь она сидитъ печальна и одна...

степени окрашень и весь 1824 годъ) Е. К. Воронцова, особенно въ поэтическомъ претвореніи, въ художественномъ воображеніи Пушкина, была «одною» —

Одна была — предъ ней одной
Дышалъ я чистымъ упоеньемъ
Любви поэзіи святой.

и Но есть одна межъ ихъ толпою...

Въ примѣненіи къ ней понятны и стихи «Разговора»:

Она одна бы разумѣла
Стихи неясные мои....¹⁾

У создателей легенды объ единой «утаенной» любви Пушкина есть еще одинъ, самый важный аргументъ — Донъ - Жуанскій списокъ, но этотъ самый сильный аргументъ и является самымъ слабымъ и уязвимымъ мѣстомъ. Такъ какъ всѣ изслѣдователи или исходили изъ Донъ - Жуанскаго списка, вдохновлялись имъ при созданіи легенды, или опирались на него, то и мы должны обратиться къ нему.

Донъ - Жуанскій списокъ или, вѣрнѣе, Донъ - Жуанскіе списки Пушкина сохранились въ альбомѣ Елизаветы Николаевны Ушаковой - Киселевой и, по всѣмъ

Осенью 1824 года Е. К. Воронцова была въ Крыму и могла сидѣть подъ завѣтными для Пушкина скалами, а М. Н. Раевская была въ Киевской губерніи, гдѣ нѣтъ никакого моря... Или, можетъ быть, стихи

Одна . . . ничьимъ устами она не предастъ
Ни плечъ, ни влажныхъ устъ, ни персей бѣлоснѣжныхъ

вызвали (по какой изумительно странной ассоціаціи!) въ странномъ подражателѣ Щеголева образъ М. Н. Раевской? Или М. Н. Раевская предавала устами Пушкина въ былое время «перси бѣлоснѣжныя»?!

¹⁾ Графиня Е. К. Воронцова высоко цѣнила поэзію Пушкина.

признакамъ, написаны имъ въ 1829 году. Домъ Ушаковыхъ на Прѣснѣ въ Москвѣ былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ и дорогихъ сердцу Пушкина домовъ въ 1826 — 1830 г. г. Пушкинъ чувствовалъ себя у нихъ не какъ дома — у него не было дома! — а лучше чѣмъ дома: стоило Пушкину оказаться у Ушаковыхъ, какъ имъ овладѣвало благодушное настроеніе. Поэтъ любилъ разговаривать съ матерью, слушать и записывать народныя пѣсни, которыя она пѣла, слегка и болѣе шутливо увлекался красавицей Елизаветой Николаевной и серьезно полюбилъ ея старшую сестру, Екатерину Николаевну. Казалось, все предвѣщало и женитьбу Пушкина на Екатериנѣ Николаевнѣ Ушаковой, и счастливую семейную жизнь съ любящей и заботливой женой — ангеломъ - хранителемъ Пушкина, какимъ хотѣла быть Екат. Ник. (рассказываютъ, что она, узнавъ о томъ, что Пушкину предсказывали смерть изъ - за жены, отказалась отъ мысли выйти за него замужъ).

Донъ - Жуанъ Пушкинъ, когда - то врагъ женитьбы, исповѣдывавшій убѣжденіе, что «бракъ холоститъ душу», съ осени 1826 года начинаетъ задумываться о женитьбѣ, о томъ, что ему пора перемѣнить свое бурное существованіе и свое одиночество.

Лучшей невѣсты, чѣмъ Е. Н. Ушакова, Пушкинъ не могъ найти, и не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ съ нею былъ бы счастливъ. Но . . . у Е. Н. Ушаковой всегда находились соперницы. Въ 1826 году такой соперницей была С. Ѳ. Пушкина (дальняя родственница поэта). Черезъ своего пріятеля В. П. Зубкова Пушкинъ посватался къ С. Ѳ. Пушкиной и получилъ отвѣтъ, который онъ понялъ, какъ согласіе или полусогласіе; по крайней мѣрѣ, уѣхавъ послѣ этого въ Михайловское, Пушкинъ торжествующе писалъ князю Вяземскому 9 ноября 1826 года: «Долго

здѣсь не останусь. Въ Петербургъ не поѣду; буду у васъ къ 1-му... она велѣла». Дѣйствительно, поэтъ не долго оставался въ Михайловскомъ и въ концѣ ноября поѣхалъ въ Москву черезъ Псковъ съ такимъ расчетомъ, чтобы къ 1 декабря быть въ Москвѣ. Но 1 декабря мы застаемъ его все еще въ Псковѣ, откуда онъ пишетъ замѣчательное письмо своему свату, письмо, которое говоритъ и о мгновенной влюбчивости Пушкина, и о тѣхъ мысляхъ и чувствахъ, съ какими онъ приступалъ къ женитьбѣ: «*Cher Zoubkov, vous n'avez pas reçu de lettre de moi et en voici la raison: je voulais vous arriver comme une bombe le 1-er decembre, c'est-à-dire aujourd'hui, il y a donc 5 à 6 jours que je suis parti de mon maudit village avec des chevaux de poste, vu les chemins détestables. Les postillons de Pskov n'ont rien eu de plus pressé que de me verser, j'ai le côté foulé, la poitrine malade, je ne puis respirer, de rage je joue et je perds. En voilà assez: j'attends d'être un tant soit peu mieux pour reprendre la poste. Vos deux lettres sont charmantes; mon arrivée eût été la meilleure réponse aux réflexions, objections, etc. Mais puisque me voilà dans une auberge de Pskov, au lieu d'être aux pieds de Sophie, jasons, c'est-à-dire raisonnons.*

J'ai 27 ans, cher ami. — Il est temps de vivre, c'est-à-dire de connaître le bonheur. Vous me dites qu'il ne peut être éternel: belle nouvelle! Ce n'est pas mon bonheur à moi qui m'inquiète — pourrais-je ne pas être le plus heureux des hommes auprès d'elle! — Je tremble seulement en songeant au sort qui, peut-être, l'attend; je tremble de ne pouvoir la rendre aussi heureuse que je le désire. Ma vie jusqu'à présent si errante, si orageuse, mon caractère inégal, jaloux, susceptible, violent et faible tout à la fois, voilà

ce qui me donne des moments de réflexions pénibles. Dois - je attacher à un sort aussi triste, à un caractère aussi malheureux, le sort d'un être si doux, si beau? Mon Dieu, qu'elle est jolie! et que ma conduite avec elle a été ridicule! Cher ami, tâchez d'effacer les mauvaises impressions qu'elle a pu lui donner, dites-lui que je suis plus raisonnable que je n'ai la mine et tout ce qui vous passera par la tête pour le prouver. Мерзкій этотъ Панинъ: два года влюбленъ, а свататься собирается на Фоминой недѣлѣ, — а я вижу ее разъ въ ложѣ, въ другой на балѣ, а въ третій сватаюсь! Si elle trouve que Panine a raison, elle doit croire que je suis fou, n'est-ce pas? Expliquez - lui donc que c'est moi qui ai raison, que lorsqu'on l'a vue, il n'y a pas à balancer, que je ne puis avoir des prétentions à la séduction, que j'ai donc très bien fait de venir tout droit au dénouement, qu'une fois qu'on l'aime, il est impossible de l'aimer davantage, comme il est impossible de la trouver plus belle encore avec le temps, car il est impossible d'être plus belle. Ангелъ мой, уговори ее, упроси ее, настрашай ее Панинымъ сквернымъ и жени меня!» Но хотя Пушкинъ и очень торопился къ ней, онъ попалъ въ Москву только 20 декабря. Объяснение этой длительной задержки въ Псковѣ находимъ мы въ письмѣ Пушкина къ князю Вяземскому того же 1 декабря: «Ѣду къ вамъ и не доѣду. Какой! Меня доѣзжаютъ... въ Псковѣ, вмѣсто того, чтобы писать седьмую главу Онѣгина, я проигралъ въ штосъ четвертую. Не забавно!...» Пушкинъ приѣхалъ въ Москву, когда С. О. Пушкина была уже помолвлена за Панина, и въ январѣ 1827 года состоялась ихъ свадьба. Пушкинъ легко перенесъ этотъ ударъ. Еще 9 ноября 1826, тогда, когда Пушкинъ собирался жениться на С. О. Пушкиной, онъ колебался между ею и Ушаковой и писалъ кня-

гинъ В. Ѳ. Вяземской: «S. P. est mon bon ange; mais l'autre est mon démon; cela me trouble dans mes méditations poétiques et amoureuses le plus mal à propos du monde». Потерпѣвъ неудачу съ С. Ѳ. Пушкиной, поэтъ обратился къ «своему демону» — Е. Н. Ушаковой, которая и стала безраздѣльно царить въ его сердцѣ. Въ апрѣлѣ 1827 года онъ записываетъ въ ея альбомъ:

Когда, бывало, въ старину,
Являлся духъ иль привидѣнье,
То прогоняло сатану
Простое это изреченье:
«Аминь, аминь, разсыпья!» Въ наши дни
Гораздо менѣе бѣсовъ и привидѣній;
Богъ вѣдаетъ, куда дѣвались они...
Но ты — мой злой иль добрый геній!
Когда я вижу предъ собой
Твой профиль, иль глаза, и кудри золотыя,
Когда я слышу голосъ твой
И рѣчи рѣзвыя живыя —
Я очарованъ, я горю,
Я содрогаюсь предъ тобою
И сердцу, полному мечтою,
«Аминь, аминь, разсыпья!» говорю.

19 мая 1827 г. Пушкинъ уѣзжаетъ въ Петербургъ и за 3 дня до отъѣзда онъ записываетъ ей въ альбомъ стихотвореніе, въ которомъ шуткою (таковъ былъ тонъ въ домѣ Ушаковыхъ, тонъ, установленный Пушкинымъ, сестрами Ушаковыми и женихомъ младшей — С. Д. Киселевымъ) прикрылъ свое глубокое чувство:

Въ отдаленіи отъ васъ
Съ вами буду неразлученъ,
Томныхъ устъ и томныхъ глазъ
Буду памятью размученъ.

Изнывая въ тишинѣ,
Не хочу я быть утѣшенъ —
Вы жъ вздохнете ль обо мнѣ,
Если буду я повѣшенъ?¹⁾

«Не хочу я быть утѣшенъ»... Но въ Петербургѣ онъ встрѣтился съ «Рафаэлевскимъ ангеломъ» — съ Анной Алексѣвной Олениной и весь 1828 годъ молился своему новому ангелу. А. А. Оленина стала невѣстой, или почти невѣстой Пушкина, а въ мысляхъ его и женой. Въ рукописяхъ 1828 года постоянно повторяются анаграммы ея — «Etenna», «Aninelo» и даже — «Annette Pouchkine». Но и эта свадьба не состоялась. Желѣзновъ такъ рассказываетъ объ этомъ: «Пушкинъ посватался и не былъ отвергнутъ. Старикъ Оленинъ созвалъ къ себѣ на обѣдъ своихъ родныхъ и пріятелей, чтобы за шампанскимъ объявить имъ о помолвкѣ своей дочери за Пушкина. Гости явились на зовъ; но женихъ не явился. Оленинъ долго ждалъ Пушкина и, наконецъ, предложилъ гостямъ сѣсть за столъ безъ него. Александръ Сергѣевичъ пріѣхалъ послѣ обѣда, довольно поздно. Оленинъ взялъ его подъ руку и отправился съ нимъ въ кабинетъ для объясненій, окончившихся тѣмъ, что Анна Алексѣвна осталась безъ жениха». Въ домѣ Ушаковыхъ много смѣялись надъ ухаживаніями Пушкина за А. А. Олениной. Въ своемъ описаніи альбома Елиз. Ник. Ушаковой Л. Н. Майковъ говоритъ: «На одномъ изъ этихъ рисунковъ изображенъ прудъ, на берегу котораго стоитъ нарядная молодая особа и удить; на поверхности воды видно нѣсколько мужскихъ головъ; вдали, на берегу, стоитъ молодой человекъ въ

¹⁾ Шутка о повѣшеніи находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что Пушкинъ, замученный дѣломъ о стихотвореніи «Андрей Шенье», принимавшимъ непріятный оборотъ, уѣзжалъ въ Петербургъ въ спокойномъ состояніи.

круглой шляпѣ, съ тростью въ рукѣ. Противъ мужской фигуры написано: «Madame, il est temps de finir», а противъ женской: «Какъ поймаю рыбочку я себѣ на удочку, то - то буду рада, то - то позабавлюсь, то - то разгуляюсь!» По объясненію Н. С. Киселева (сына Елиз. Ник.), представленная здѣсь молодая особа есть Анна Алексѣевна Оленина. Въ мужчинѣ, стоящемъ на берегу, слѣдуетъ угадывать Пушкина, хотя изображеніе и не отличается сходствомъ. Барышню съ тѣмъ же профилемъ, какой мы видимъ на сейчасъ описанной картинкѣ, можно узнать и на другомъ рисункѣ: тутъ она протягиваетъ руку молодому челоуѣку, который ее почтительно цѣлуетъ. Здѣсь мужская фигура, съ лицомъ, обрамленнымъ бакенбардами, уже гораздо болѣе напоминаетъ портреты Пушкина. Къ этой картинкѣ относится слѣдующая подпись: «Прочь, прочь отойди! Какой безпокойный! Прочь, прочь! Отвяжись, руки недостойный!»¹⁾).

Пушкинъ снова вернулся къ Екат. Ник. Ушаковой, но здѣсь его ждала неожиданная для него новость — такъ онъ былъ увѣренъ въ своемъ «демонѣ» — Екат. Ник. была помолвлена за князя Долгорукаго. «Съ чѣмъ же я - то остался?» — вскрикнулъ Пушкинъ (какъ рассказывалъ племянникъ Екат. Ник., Н. С. Киселевъ). — «Съ оленьими рогами», — отвѣчаетъ ему невѣста. Но Пушкинъ не остался «съ оленьими рогами»: ему удалось добиться того, что свадьба Екат. Ник. Ушаковой разстроилась... Пушкинъ снова вошелъ въ семью Ушаковыхъ, но образъ юной красавицы, которую онъ увидѣлъ по пріѣздѣ въ Москву, неотступно стоялъ передъ его глазами.

¹⁾ Такіе слухи — объ отказѣ А. А. Олениной — ходили и въ Петербургѣ и въ Москвѣ.

— Сердце вновь горить и любить — отъ того,
Что не любить оно не можетъ.

И снова черезъ посредника - свата, на этотъ разъ графа Толстого («американца»), Пушкинъ просить руки Наталіи Николаевны Гончаровой. «Маменька Карса» (такъ названа въ альбомѣ Ушаковой мать Наталіи Николаевны) дала уклончивый отвѣтъ. 1 мая Пушкинъ написалъ письмо своей будущей belle - mère, съ нетерпѣніемъ ждалъ отвѣта, и, не дождавшись его..... въ тотъ же день уѣхалъ въ дѣйствующую армію на Кавказъ.

По дорогѣ въ Москву Пушкинъ писалъ свои «Дорожныя жалобы»:

То ли дѣло быть на мѣстѣ,
По Мясницкой разѣзжать,
О деревнѣ, о невѣстѣ
На досугѣ помышлять!

О какой «невѣстѣ»? — О «своей», привычной, домашней, уже почти будничной Ушаковой или о гордой, неприступной какъ крѣпость Карсъ (и Пушкинъ и Ушаковы называли Н. Н. Гончарову «Карсомъ»), блестящей и прекрасной Гончаровой? — Конечно, о послѣдней. Путешествіе, продолжавшееся полгода (съ 1 мая до 20 октября), взбодрило Пушкина, дало ему много силъ душевныхъ, прогнало мрачныя мысли. Тотчасъ же по приѣздѣ въ Москву онъ отправляется къ Гончаровымъ, и «que de tourments m'attendaient à mon retour, какъ онъ писалъ впоследствии Н. И. Гончаровой. Votre silence, votre air froid, l'accent de Mlle N. si léger, si inattentif... Je n'ai pas le courage de m'expliquer; j'allois à Petersbourg la mort dans l'âme». Послѣдняя фраза не совсѣмъ точна: Пушкинъ оставался въ Москвѣ еще три недѣли и едва ли не каждый день бывалъ у Ушаковыхъ. Въ это время альбомъ Е. Н. Ушаковой особенно заполнялся его рисунками и карриката-

рами, и рисунки его не свидѣтельствуютъ о томъ, что душа его была убита. Здѣсь, въ чепцѣ, и «Елизавета Миколавна въ день ангела Д. - Жуана», съ цѣлымъ множествомъ котятъ — ея будущее потомство (Пушкинъ дразнилъ ее — невѣсту Киселева — «кис-кис»); здѣсь и «Не искушай (сай) меня безъ нужды» — два профиля: Пушкина и бѣса; здѣсь и суровая «маменька Карса»; здѣсь и «Арзрумъ взятый помощію Божіей и молитвами Екатерины Николаевны 27 іюня 1829 отъ Р. Х.»; здѣсь и Пушкинъ въ буркѣ съ пикою на конѣ, устремляющійся на турокъ; здѣсь, наконецъ, и любовные синодики — Донъ - Жуанскіе списки — исповѣдь сердца. Изъ Москвы Пушкинъ еще сдѣлалъ крюкъ въ Тверскую губернію для сбора «недоимокъ» съ тверскихъ барышень и много и бодро работалъ. Ничто не говоритъ о томъ, что онъ уѣхалъ въ Петербургъ «*à mort dans l'âme*»... Но стоило ему пріѣхать въ ненавистный Петербургъ, какъ тоска овладѣла имъ, очарованіе Ушаковой исчезло, ему предсталъ опять образъ недоступной, гордой красавицы, мучившій его больше всего своей недоступностью. Чѣмъ больше отгоняетъ отъ себя Пушкинъ этотъ образъ, тѣмъ больше онъ — неприступный Карсъ — дразнить воображеніе... По мѣрѣ того, какъ Пушкинъ входилъ въ работу, онъ сталъ душевно успокаиваться, и образъ и Ушаковой, и Гончаровой стали меркнуть. Но въ началѣ 1830 года онъ получилъ милое, дружески - шутивное и сердечное письмо отъ Екат. Ник. Ушаковой, и его опять потянуло сердцемъ къ ней. Въ отвѣтъ на ея письмо поэтъ пишетъ:

Я васъ узналъ, о мой оракуль,
Не по узорной пестротѣ
Сихъ недописанныхъ каракуль,
Но по веселой остротѣ,
Но по привѣтствіямъ лукавымъ,

Но по насмѣшливости злой
И по упрекамъ... столь неправымъ
И этой прелести живой.
Съ тоской невольной, съ восхищеньемъ
Я перечитываю васъ
И восклицаю съ нетерпѣньемъ:
Пора! въ Москву! въ Москву сейчасъ!
Здѣсь городъ чопорный, унылой,
Здѣсь рѣчи — ледь, сердца — гранить;
Здѣсь нѣтъ ни вѣтренности милой,
Ни музъ, ни Прѣсни, ни харить.

И Пушкинъ собрался въ Москву къ Ушаковой, какъ вдругъ получилъ поклонъ отъ Гончаровой и онъ немедленно поскакалъ въ Москву не для Ушаковой, сдѣлавъ предложеніе и ставъ женихомъ Н. Н. Гончаровой. Екат. Ник. Ушакова навѣки ушла изъ жизни Пушкина. И если въ 1830 году, во время своего тяжкаго и безпокойнаго жениховства, тогда, когда онъ помышлялъ объ «отступномъ трактатѣ», онъ думалъ объ Ушаковой и сравнивалъ ее со своей невѣстой, — все же можно съ увѣренностью сказать, что, получи онъ свободу, онъ не сталъ бы ею жертвовать ни для кого — таково было душевное состояніе поэта въ концѣ 1830 года. Можетъ быть, Ушакова была бы и лучшей женой, но — «не женись ты, добрый молодецъ, а на тѣ деньги коня купи»..... Мы говорили о томъ, что Донъ - Жуанскій списокъ составленъ не позднѣе 1829 года и, повидимому, въ ноябрѣ этого года — за это говорить имя «Натальи», приписанное къ уже составленному списку — признанію въ прежнихъ увлеченіяхъ. Собственно, правильнѣе было бы говорить не о Донъ - Жуанскомъ спискѣ, а о Донъ - Жуанскихъ спискахъ, ибо ихъ два (что вѣроятнѣе) или три.

На 4-мъ листѣ альбома Елизаветы Ник. Ушаковой
Пушкинъ записалъ въ колонну имена:

Наталья I
Катерина I
Катерина II
N. N.
Кн. Авдотія
Настасья¹⁾
Катерина III
Аглая
Калипсо
Пулхерія
Амалія
Элиза
Евпраксія
Катерина IV
Анна
Наталья

На 5-мъ листѣ:

Марія
Анна
Софья
Александра
Барвара
Вѣра
Анна
Анна
Анна
Барвара
Елизавета
Надежда

¹⁾ И мы, какъ и другіе изслѣдователи, читаемъ только предположительно это имя, какъ Настасья (м. б. Наталья?).

Аграфена
Любовь
Ольга
Евгенія
Александра
Елена

На 6-мъ листѣ:
Елена¹⁾
Татьяна
Авдотья.

Въ этихъ спискахъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе обиліе знакомыхъ изъ біографіи Пушкина именъ въ первомъ и незнакомыхъ во второмъ и третьемъ спискахъ. Анализъ ихъ даетъ легкое объясненіе: первый списокъ содержитъ въ себѣ имена, связанные съ служеніемъ Пушкина Афродитѣ небесной, а потому и болѣе значительныя, второй списокъ связанъ съ Афродитой земной и заключаетъ въ себѣ имена такихъ женщинъ, которыя болшею частью не оставили замѣтныхъ слѣдовъ ни въ душѣ, ни въ творчествѣ Пушкина. При обращеніи къ Донъ - Жуанскимъ спискамъ необходимо прежде всего дѣлать это рѣзкое разграниченіе, которое часто можетъ служить путеводною нитью при опредѣленіи природы отношеній Пушкина къ женщинамъ — платонизмъ перваго списка и тѣлесную чувственность второго. Второе, что даетъ возможность установить изслѣдованіе списковъ, это — строгую хронологическую послѣдовательность въ предѣлахъ списка.

Обратимся сперва ко второму списку — болѣе трудному по расшифровкѣ, но болѣе легкому по суще-

¹⁾ Быть можетъ, имя «Елены» по ошибкѣ повторено, и въ такомъ случаѣ этотъ листъ непосредственное продолженіе предыдущаго.

ству, ибо расшифрование его и не представляет особенно большого значения. Въ центрѣ этого списка стоятъ три «Анны»: дѣйствительно, въ 1825 - 1826 г. г. Пушкинъ находился въ интимныхъ отношеніяхъ съ тремя Аннами — съ Анной Петровной Кернъ, Анной Николаевной Вульфъ и ея другой кузиной, Анной Ивановной Вульфъ, извѣстной Netty Вульфъ, о которой Пушкинъ писалъ брату 14 марта 1825 года: «Ан. Ник. тебѣ кланяется и очень жалѣетъ что тебя здѣсь нѣтъ; потому что я влюбился и Миртильничую. Знаешь ея Кузину Ан. Ив. В.? ессе femina!» Что Netty Вульфъ отвѣчала взаимностью Пушкину, мы имѣемъ намеки въ письмахъ Анны Николаевны Вульфъ къ Пушкину; такъ напримѣръ, она пишетъ: «J'augeois été contente de votre lettre si je ne me rappelois que vous en avez écrites de pareilles et même de plus tendres encore, en ma présence, à A. K. et aussi à Netty. Je ne suis pas jalouse, croyez - moi; si je l'étois véritablement, ma fierté triompherait bientôt du sentiment et cependant je ne puis m'empêcher de vous dire combien votre conduite me blesse. Comment, en recevant ma lettre, vous vous écriez: «Mon Dieu, *quelle lettre, comme si c'étoit d'une femme!*» et vous la jetez pour lire les bêtises de Netty».....

Черезъ три имени послѣ Аннъ мы находимъ «Аграфену» — графиню Аграфену Ѳедоровну Закревскую, «мѣдную Венеру», женщину большихъ страстей, которой Пушкинъ чувственно страстно увлекался въ 1828 году, «Портретъ» которой онъ тогда же нарисовалъ:

Съ своей пылающей душой,
Съ своими бурными страстями,
О, жены сѣвера, межъ вами
Она является порой,
И мимо всѣхъ условій свѣта,

Стремится до утраты силъ,
Какъ беззаконная комета
Въ кругу расчисленномъ свѣтилъ.

Предпослѣднее имя во второмъ спискѣ «Александра» — приводитъ насъ къ 1828 - 1829 г. г. и къ Александрѣ Осиповой - Беклешовой, «Алинѣ», падчерицѣ П. А. Осиповой. Еще въ 1824 году Пушкинъ посвятилъ ей «Признаніе» — шутливое признаніе въ любви:

Я васъ люблю, хоть я бѣшусь,
Хоть это трудъ и стыдъ напрасной:
И въ этой глупости несчастной
У вашихъ ногъ я признаюсь!.....

Въ 1824 - 1826 г. г., въ Михайловскомъ, у Пушкина были легкія, шутливыя отношенія съ Алиной Осиповой; въ 1828 - 1829 г. г., во время его набѣговъ, когда онъ собиралъ въ Тверской губерніи обильную дань съ женскихъ сердець (неизвѣстныхъ женскія имена между Аграфеной и Александрой — Любовь, Ольга и Евгения — по всей вѣроятности принадлежать также тверскимъ красавицамъ), у Пушкина установились съ А. И. Осиповой - Беклешовой другого рода отношенія: Алина поддалась чарамъ «чуднаго знатока сердца» и проявила такую горячую страстность и такой темпераментъ, что Пушкинъ не могъ забыть о ней и въ 30-хъ годахъ. Изъ переписки Вульфъ этого времени мы узнаемъ, что Пушкинъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ ея пріѣзда въ Михайловское въ надеждѣ, что она оживитъ его¹⁾;

¹⁾ 4 октября 1835 года Е. Н. Вульфъ - Вревская писала мужу:

«Поэтъ по пріѣздѣ сюда былъ очень веселъ, хохоталъ и прыгалъ по прежнему, но теперь, кажется въ палъ опять въ хандру. Онъ ждалъ Сашиньку съ нетерпѣніемъ, надѣясь, кажется, что пылкость ее чувствъ и отсутствіе ее мужа разогрѣетъ его состарѣвшія физическія и моральныя силы».

Еще болѣе выразительно объ отношеніяхъ Пушкина съ

такое же чувство — страстное нетерпѣніе слышится и въ письмахъ поэта къ Алинѣ...

Такъ, въ сентябрѣ 1835 года, онъ ей писалъ «Мой ангелъ» и, уговаривая ее пріѣхать въ Михайловское, напоминалъ ей о «прежнемъ времени» и говорилъ: «у меня для васъ три короба признаній, объясненій и всякой всячины. Можно будетъ на досугѣ и влюбиться».

Мы не знаемъ, кто была «Елена» — послѣднее имя во второмъ спискѣ, но по всѣмъ признакамъ она относится къ 1829 году, что еще болѣе убѣждаетъ насъ въ строгой хронологичности списка; въ черновыхъ наброскахъ 1829 года мы читаемъ это имя (оно зачеркнуто):

Зачѣмъ, Елена, такъ пугливо

Ты всюду слѣдуешь за мной

И надзираешь торопливо

Мой каждый шагъ и каждый взоръ...

Исходя изъ хронологичности списка, подъ первымъ именемъ — «Маріи» — быть можетъ, первой женщины, которую Пушкинъ зналъ въ жизни — приходится подразумевать Марію Смитъ, «молодую вдову», жившую у директора лицея Е. А. Энгельгардта въ 1816 - 1817 г. г. Пушкинъ ухаживалъ за нею и посвятилъ ей куплеты на стихъ «Jusqu'au plaisir de vous revoir»; Марія Смитъ отвѣчала на нихъ куплетами, которые свидѣльствуютъ о томъ, что она очень благосклонно относилась къ юному поэту:

Lorsque je vois, de vous, monsieur,

Des vers faits avec tant de grâce,

Je me resigne et de bon cœur

A vous céder sitôt la place.

Сашенькой Осиповой - Беклешовой писала А. Н. Вульфъ Е. Н. Вульфъ - Вревской 13 мая 1836 г.:

«Au moins ns avons Pouchk. qui été l'astre du bien et du mal de la Bekl.».

Votre talent, sans grand pouvoir,
De beaucoup le mien efface,
Je n'en ai vu que la surface
Mais c'est pour lui dire au revoir.

Этотъ обмѣнъ французскими куплетами произошелъ въ 1817 году, тогда, когда молодая вдова уже обратила свое благосклонное вниманіе на лицеиста Пушкина. Подъ 1816 и 1817 г. г. печатается цѣлый рядъ стихотвореній (не относятся ли они всѣ къ 1817 году?), въ которыхъ «молодая вдова» фигурируетъ подъ именами «Лилы» и «Лиды». Въ однихъ изъ нихъ («Лилѣ») поэтъ еще страдаетъ «безотрадною тоской» и гаснетъ «пламенной душой», въ другихъ онъ уже сгораетъ «въ нѣгѣ пламенной любви» и говоритъ не условнымъ, а живымъ языкомъ чувственной страсти. Таково его «Письмо къ Лидѣ»:

Лишь благосклонный мракъ раскинетъ
Надъ нами тихой свой покровъ,
И время дважды передвинетъ
Стрѣлу медлительныхъ часовъ.....
По скорой поступи моей,
По сладострастному молчанью,
По смѣлымъ, трепетнымъ рукамъ,
По воспаленному дыханью
И жаркимъ, ласковымъ устамъ
Узнай любовника — настали
Восторги, радости мои!...
О Лида, если бѣ умирали
Съ восторговъ нѣги и любви!

Имя «Маріи», открывающее второй Донъ - Жуанскій списокъ, говоритъ о томъ, что эти стихи — не плодъ разгоряченнаго юношескаго воображенія.....

Остальные имена второго списка не поддаются расшифровыванію, кромѣ развѣ одного — Елизавете

ты. По мѣсту, которое занимаетъ «Елизавета» — между тремя Аннами и Аграфеной, — она должна относиться къ періоду 1826 - 1828 г. г. Одну Елизавету въ этотъ періодъ жизни Пушкина, въ 1827 году (она не ушла изъ жизни Пушкина и въ 30-хъ годахъ) мы знаемъ: это «Лиза голенькая», «Герминія»—Елизавета Михайловна Хитрово, дочь фельдмаршала Кутузова и мать Долли Фикельмонтъ, почтенная сорокапятилѣтняя женщина, безъ ума полюбившая поэта, который не игралъ роли Юсифа Прекраснаго только потому, что не хотѣлъ оскорблять ея самолюбія. И хотя Пушкинъ просилъ князя П. А. Вяземскаго влюбить въ себя «Лизу голенькую» и спасти его отъ нея, онъ позволялъ ей любить себя и изъ глубокой деликатности не отталкивалъ ее отъ себя (хотя и очень тяготился ея постоянными признаніями въ любви и ея длинными письмами, на которыя отвѣчалъ двумя - тремя словами, не всегда даже вѣжливыми).

Обратимся теперь къ первому списку, для удобства начавъ его въ обратномъ порядкѣ, болѣе убѣждающемъ въ строгой хронологичности его.

Наталья — Наталья Николаевна Гончарова - Пушкина — 1829 годъ.

Анна — Анна Алексѣевна Оленина - Андро — невеста Пушкина въ 1828 году.

Катерина IV — Екатерина Николаевна Ушакова — Наумова — невеста Пушкина въ 1827 году (какъ мы видѣли, Пушкинъ возвращался къ ней и въ слѣдующіе годы).

Евпраксія — Евпраксія Николаевна Вульфъ - баронесса Вревская, увлеченіе которою относится къ 1825 - 1826 году (Пушкинъ не забывалъ ее и въ тридцатыхъ годахъ, и ихъ отношенія принимали все болѣе и болѣе сердечно - дружескій характеръ; наканунѣ своей

дуэли поэтъ посвятилъ баронессу Е. Н. Вревскую въ свою тайну). О серьезности этого чувства можно судить и по тому, что Наталія Николаевна относилась враждебно къ Е. Н. Вревской - Вульфъ.

Элиза — графиня Елизавета Ксаверьевна Воронцова. Любовь къ ней окрашиваетъ весь 1824 годъ. Графиня Е. К. Воронцова сыграла большую роль въ творчествѣ Пушкина, вдохновивъ его на цѣлый рядъ лирическихъ стихотвореній, такихъ, какъ «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ», элегія «Ненастный день потухъ», «Все кончено: межъ нами связи нѣтъ», «Сожженное письмо», «Желаніе славы», «Все въ жертву памяти твоей». Къ ней же относятъ, можетъ быть, безъ большого основанія «Ангель» и «Талисманъ»¹⁾.

Амалія — Амалія Ризничъ — Элегія 1823 года, посвященная ей («Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты»), опредѣляетъ время увлеченія ею Пушкина. И стихотворенія, посвященныя ей, и свидѣтельство ея мужа, и наличие счастливаго соперника, и еще болѣе характеръ перваго Донъ - Жуанскаго списка, — все говоритъ съ

¹⁾ В. Ф. Ходасевичъ, основываясь на полу - еврейскомъ происхожденіи Амаліи Ризничъ и на томъ, что знаменитый перстень Пушкина носитъ еврейскую надпись, высказывалъ намъ предположеніе, что «Талисманъ» можетъ относиться не къ Воронцовой, а къ Ризничъ. Это предположеніе кажется намъ тѣмъ правдоподобнѣе, что «Талисманъ» написанъ въ 1826 - 1827 г. г., когда, получивъ извѣстіе о смерти Ризничъ, поэтъ вспоминалъ ее; да и самый лирической тонъ «Талисмана» гораздо болѣе гармонируетъ съ лирическимъ тономъ, какимъ Пушкинъ говоритъ не о Воронцовой, а о Ризничъ:

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещеть
На пустынные скалы,
Гдѣ луна теплѣе блещеть
Въ сладкій часъ вечерней мглы,
Гдѣ, въ гаремахъ наслаждаясь,
Дни проводитъ мусульманъ,
Тамъ волшебница, ласкаясь,
Мнѣ вручила талисманъ.

одной стороны о силѣ, съ другой стороны о платоническомъ характерѣ любви Пушкина къ ней. Изъ того, что Пушкинъ узналъ о ея смерти только въ 1826 году, приходится заключать, что Амалія Ризничъ скоро потеряла свою власть надъ сердцемъ поэта (можетъ быть, вытѣсненная новой владычицей — «Элизой» Воронцовой), — поэтъ пересталъ слѣдить за нею. Поэтому, можетъ быть, стихи въ элегіи «Подъ небомъ голубымъ страны своей родной» —

Напрасно чувство возбуждалъ я:

Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти
вѣсть,

И равнодушно ей внималъ я —

надо понимать буквально. Но Амалія Ризничъ продолжала жить въ сердцѣ Пушкина — хотя бы поэтически, — и Пушкинъ не разъ вспоминалъ ее.

Пульхерія — Пульхерія Вархоломей - Мано — была одной изъ кишиневскихъ красавицъ, которыми Пушкинъ увлекался въ Кишиневѣ въ 1821 - 1822 г. г. Мы очень мало знаемъ о Пульхеріи Вархоломей и о любви къ ней Пушкина, кромѣ того, что ея имя находится въ Донъ - Жуанскомъ спискѣ, и кромѣ свидѣтельства А. Ф. Вельтмана: «Пульхерица была полная, круглая дѣвушка; она любила говорить болѣе улыбкой, но это не была улыбка кокетства, нѣтъ, это просто была улыбка здороваго, беззаботнаго сердца. Никто не припомнитъ изъ знавшихъ ее въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, чтобы она на кого - нибудь взглянула особенно... На балахъ со всѣми кавалерами она съ одинакимъ удовольствіемъ танцевала, всѣхъ одинаково любила слушать, и Пушкину также, какъ и всякому, кто умѣлъ ее разсмѣшить или польстить ея самолюбію, она отвѣчала: «Ah, quel vous êtes, monsieur Pouchkine!» Пушкинъ особенно цѣнилъ ея простодушную красоту и безотвѣт-

ное сердце, не вѣдавшее никогда ни желаній, ни зависти. Но Пульхерица была необъяснимый феноменъ въ природѣ... Многіе искали ея руки, отецъ и мать изъявляли согласіе, но едва желающій быть нареченнымъ приступалъ къ исканію сердца, всѣ вступленія къ объясненію чувствъ и желаній Пульхерица прерывала: «Ah, quel vous êtes! Qu'est-ce que vous badinez!». И все отступалось отъ исканій; сердца ея никто не находилъ..... Смотри на Пульхерию, которой по наружности было около восемнадцати лѣтъ, я нѣсколько разъ покушался думать, что она есть совершеннѣйшее произведеніе не природы, а искусства... Всѣ движенія, которыя она дѣлала, могли быть механическими движеніями автомата. «Не автоматъ ли она?» И я присматривался къ ея походкѣ: въ походкѣ было что - то странное, чего и выразить нельзя. Я присматривался на глаза: прекрасный, спокойный взоръ двигался вмѣстѣ съ головой. Ея лицо и руки такъ были изящны, что мнѣ казались онѣ натянутою лайкой... Пушкинъ часто бывалъ у Вареоломея. Добрая, таинственная дѣвушка ему нравилась, нравилось и гостепріимство хозяевъ. Пушкинъ посвятилъ нѣсколько стиховъ Пульхерицѣ, которые я однако же не припомню».

Передъ женитьбой — 26 декабря 1830 года — Пушкинъ писалъ своему бывшему кишиневскому пріятелю, Н. С. Алексѣеву: «Пиши мнѣ, мой милый, о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ты скучаешь, но которыя сдѣлались уже милы моему воображенію, о берегахъ Быка, о Кишиневѣ, о красавицахъ, вѣроятно, состарѣвшихся, о Еврейкѣ, которую такъ долго и такъ упорно тайлъ ты отъ меня, своего чернаго друга, о Пулхеріи, о Стамо, о Худобашевѣ, объ Инзовѣ, объ Липранди, словомъ — обо всѣхъ близкихъ моему воспоминанію, женщинахъ и мужчинахъ, живыхъ и мертвыхъ»... Еще интереснѣе—въ томъ,

что касается Пульхеріи Вареоломей, отвѣтъ Н. С. Алексѣева: «Дѣла отца Пулхеріи, порученныя мнѣ Лордомъ Мидасомъ, я успѣлъ поправить въ его пользу, и она теперь могла бы обворовать Горчакова болѣе, нежели въ тѣ времена, когда онъ ей жертвовалъ жизнію, откинувъ страхъ быть твоимъ соперникомъ».

Калипсо — Калипсо Полихрони — принадлежитъ также къ числу кишиневскихъ увлеченій Пушкина 1821 - 1822 г. г. Въ 1822 году Пушкинъ посвятилъ ей стихотвореніе:

Ты рождена воспламенять
Воображеніе поэтовъ,
Его тревожить и плѣнять
Любезной живостью привѣтовъ,
Восточной странностью рѣчей,
Блистаньемъ зеркальныхъ очей
И этой ножкою нескромной;
Ты рождена для нѣги томной,
Для упоенія страстей...

Аглая — Аглая Антоновна Давыдова, рожд. Граммонъ, жена «рогоносца величаваго» — съ которою Пушкинъ встрѣтился въ концѣ 1820 года въ Каменкѣ, имѣніи Орловыхъ - Давыдовыхъ, гдѣ онъ оставался до марта 1821 года. Ея имя въ Донъ - Жуанскомъ спискѣ дало намъ право характеризовать отношенія ея и Пушкина въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ это обыкновенно дѣлается. и объяснять посланія и эпиграммы къ ней напускнымъ цинизмомъ.

Катерина III — Екатерина Николаевна Раевская - Орлова — крымская осень 1820 года:

А тамъ, межъ хижинокъ Татаръ...
Какой во мнѣ проснулся жарь!¹⁾

¹⁾ См. выше стр. 34 - 38 и 62.

Настасья — Мы не увѣрены въ томъ, что правильно читаемъ это имя — можетъ быть **Наталья**? Можетъ быть, и не **Настасья**, и не **Наталья**?

Кн. Авдотія — княгиня Евдокія Ивановна Голицына, рожденная Измайлова, «*princesse Nocturne*» или «*Princesse Minuit*». Пушкинъ познакомился съ нею въ самомъ концѣ 1817 года, какъ о томъ свидѣтельствуется декабрьское письмо Н. М. Карамзина къ князю П. А. Вяземскому: «Поэтъ Пушкинъ у насъ въ домѣ смертельно влюбился въ пиею Голицыну и теперь проводить у нея вечера: жжетъ отъ любви, сердится отъ любви, только еще не пишетъ отъ любви. Признаюсь, что я не влюбился бы въ пиею: отъ ея трезубца пышетъ не огнемъ, а холодомъ». Пушкинъ весь 1818 годъ увлекался этой умной и образованной женщиной, бывшей почти на 20 лѣтъ старше его (она родилась въ 1780 году) и видѣлъ въ ней не холодную, не мертвую, а живую красоту. 30 ноября 1817 года, послѣ того, какъ онъ увидѣлъ ее у Карамзиныхъ, Пушкинъ писалъ:

Краевъ чужихъ неопытный любитель
И своего всегдашній обвинитель,
Я говорилъ: «Въ отечествѣ моемъ
Гдѣ вѣрный умъ, гдѣ геній мы найдемъ?
Гдѣ гражданинъ съ душою благородной,
Возвышенной и пламенно - свободной?
Гдѣ женщина не съ мертвой красотой,
Но съ огненной, плѣнительной, живой?
Гдѣ разговоръ найду непринужденный,
Плѣнительный, веселый, просвѣщенный?
Съ кѣмъ можно быть не хладнымъ, не пустымъ?...

Отечество почти я ненавиждѣлъ,
Но я вчера Голицыну увидѣлъ —
И примирень съ отечествомъ моимъ.

Несмотря на горячее увлеченіе «пнѣіей», по выраженію Н. М. Карамзина, или «жрицей какого - то чистаго и высокаго служенія», по характеристикѣ князя П. А. Вяземскаго, Пушкинъ мало посвящалъ ей стихотвореній: и на этотъ разъ онъ «любя, былъ глупъ и нѣмъ». Кромѣ приведеннаго выше, достовѣрно къ ней обращено посланіе, которое сопровождало посылку ей оды «Вольность»:

Простой воспитанникъ природы,
Такъ я бывало воспѣвалъ
Мечту прекрасную свободы
И ею сладостно дышалъ;
Но васъ я вижу, вамъ внимаю,
И что же?... Слабый человѣкъ!...
Свободу потерявъ навѣкъ,
Неволю сердцемъ обожаю.

Черезъ годъ любовь Пушкина къ княгинѣ Голицыной остыла, если вѣрить А. И. Тургеневу, который писалъ 3 декабря 1818 года: «Жаль, что Пушкинъ уже не влюбленъ въ нее, а то бы онъ передалъ ее потомству въ поэтическомъ свѣтѣ, который и для насъ былъ бы очарователенъ, особливо въ нѣкоторомъ отдаленіи во времени». Пушкинъ, впрочемъ, и позже благодарно и тепло вспоминалъ о ней. (Въ письмахъ къ А. И. Тургеневу: «Мочи нѣтъ, почтенный Александръ Ивановичъ, какъ мнѣ хочется двѣ недѣли побывать въ этомъ пакостномъ Петербургѣ, безъ Карамзиныхъ, безъ васъ двухъ, да еще безъ нѣкоторыхъ избранныхъ, соскучишься и не въ Кишиневѣ, а вдали камина К. Голицыной замерзнешь и подъ небомъ Италиі» — 7 мая 1821 г.; «Но что Анти - Польская, небесная Княгиня Голицына? воздѣлаеть поэтическая, незабвенная, конституціонная, можно - ли, что-бъ я еще жалѣлъ о вашемъ Петербургѣ» — 1 декабря 1823 г.; «цалую руку К. А. Карамзи-

ной и Княгинѣ Голицыной *constitutionnelle ou Anti - constitutionnelle*¹⁾ mais toujours adorable comme la liberté» — 14 июля 1824). Вопросъ объ отраженіи княгини Е. И. Голицыной въ поэзіи Пушкина долженъ еще считаться открытымъ, и мы не можемъ быть совершенно увѣрены въ томъ, что не въ нее Пушкинъ былъ «долго и глупо влюбленъ», и что не о ней онъ часто вспоминаетъ въ своихъ лирическихъ произведеніяхъ 1820 - 1822 г. г.

N. N.

Прервемъ на нѣкоторое время нашъ перечень и вспомнимъ порядокъ датъ: 1829, 1828, 1827, 1825 - 1826, 1824, 1823, 1821 - 1822, 1821 - 1822, 1820 - 1821, 1820, 1817 - 1818. Итакъ, прежде всего мы можемъ установить безусловную, строгую хронологическую послѣдовательность какъ второго, такъ и перваго Донъ - Жуанскаго списка (подтвержденіе хронологичности списка находится и въ цифрахъ, поставленныхъ Пушкинымъ противъ именъ: Катерина I, Катерина II, Катерина III, Катерина IV), и это позволяетъ намъ утверждать, что «таинственныя буквы N. N.» относятся къ 1817 году. Что изъ этого слѣдуетъ? — Прежде всего то, что онѣ ни въ какомъ случаѣ не могутъ скрывать имени Маріи Николаевны Раевской - Волконской, ибо, во-первыхъ, всѣ творцы легенды относятъ начало любви къ ней къ 1820 году, во-вторыхъ, въ 1817 году ей было всего 11 лѣтъ. Кого же скрываютъ эти буквы, и такъ ли важно для біографіи Пушкина расшифровать ихъ? — Поставимъ вопросъ въ общей формѣ: что хотѣлъ скрыть Пушкинъ отъ сестеръ Ушаковыхъ — самый

¹⁾ Патріотически настроенная, княгиня Е. И. Голицына негодовала на Александра I за то, что онъ даровалъ Польшѣ конституцію и тѣмъ оскорбилъ самолюбіе русскихъ.

фактъ какой - то большой любви или только имя этой любви? — Очевидно, что если бы онъ хотѣлъ скрыть фактъ любви, то онъ пропустилъ бы его совсѣмъ, ибо обозначеніе «N. N.» только еще болѣе говорить о какой - то любви, да еще скрываемой («была любовь, любилъ, но не хочу сказать вамъ, кого любилъ») и дразнить любопытство (какъ и измучило послѣдующихъ изслѣдователей, погубившихъ бесплодно массу времени на разгадку «таинственныхъ буквъ»). Скрылъ же Пушкинъ въ Донъ - Жуанскомъ спискѣ свое увлеченіе С. Ѳ. Пушкиной, на которой онъ собирался жениться, и скрылъ не только имя соперницы Екат. Ник. Ушаковой (ни «Анну» Оленину, ни «Наталью» Гончарову онъ не могъ бы скрыть отъ Ушаковыхъ), а и самый фактъ, пропустивъ вовсе «Софью», а не завуалировавъ ее какими - нибудь таинственными буквами. Быть можетъ, Пушкинъ, не желая скрывать, что у него есть «вѣчная», «утаенная», «святая» любовь, оберегалъ только имя своей «святыни», не хотѣлъ называть ее имени, чтобы Ушаковы не узнали, кого онъ такъ любилъ и, какъ думаютъ творцы легенды объ «единой любви», продолжалъ любить? — Допустимъ на минуту, что «N. N.» — Марія Николаевна Раевская: неужели же по имени «Маріи» онъ проникли бы въ тайну его сердца и угадали бы, что «Марія» — М. Н. Раевская? — Не трудно, зная хорошо кругъ знакомыхъ Пушкина (какъ могли знать Ушаковы), въ такихъ экзотическихъ именахъ, какъ «Аглая», «Калипсо», «Пулхерія», «Амалія», «Элиза», «Евпраксія», узнать, кого Пушкинъ имѣетъ въ виду, но какъ догадаться по такимъ именамъ, какъ «Марія», «Екатерина», «Наталія», о комъ говорить Пушкинъ? И наконецъ, если Пушкинъ (какъ думаютъ) такъ свято и ревниво оберегалъ святое имя Маріи, какъ же онъ могъ начать этимъ священнымъ именемъ Маріи

второй Донъ - Жуанскій списокъ? Если Ушаковы, при ихъ знаніи окруженія Пушкина, должны были увидѣть сразу въ «Маріи» — М. Н. Раевскую, то не должны ли были они подумать о М. Н. Раевской, когда прочли имя Маріи во второмъ, дѣйствительно компрометирующемъ списокѣ? — Всѣ эти соображенія (и особенно строгая хронологичность списка) заставляютъ насъ самымъ рѣшительнымъ образомъ категорически отрицать въ «N. N.» «утаенную любовь» вообще и въ частности утаенную любовь къ М. Н. Раевской и предложить объясненіе гораздо болѣе простое и естественное.

«N. N.», по мѣсту, занимаемому въ Донъ - Жуанскомъ списокѣ, должна относиться къ 1817 году. Какъ мы увидимъ, къ 1817 же году относятся и еще два имени: «Катерина II» и «Кн. Авдотья» (Голицына). Изъ одного этого уже можно заключить, что увлеченіе «N. N.» не могло быть глубокимъ и долгимъ, если въ томъ же году ему предшествовало другое увлеченіе и если оно такъ легко было вытѣснено въ концѣ года третьимъ — подлинною любовью къ «Princesse Nocturne». А разъ такъ, то въ 1829 году — черезъ 12 лѣтъ — Пушкинъ легко могъ и забыть (если только и въ то время зналъ, ибо юноша - поэтъ могъ даже и не знать имени случайной красавицы, съ которою онъ встрѣтился и которая произвела на него впечатлѣніе) имя предмета своего мимолетнаго юношескаго увлеченія въ 18 лѣтъ. Пушкинъ могъ помнить, что было увлеченіе, но легко могъ забыть самое имя, — такое явленіе встрѣчается очень часто, и очень многіе, порывшись въ своей памяти о дѣтскихъ и юношескихъ событіяхъ жизни, должны подтвердить его. Во всякомъ случаѣ, такое объясненіе «N. N.» является самымъ правдоподобнымъ, и оно исключаетъ странную — въ другомъ случаѣ — безтактность по отношенію къ Ушаковымъ, когда поэтъ, легко

могшій пропустить имя, какъ онъ это сдѣлалъ съ С. Ѳ. Пушкиной, какъ будто говорилъ имъ: «есть у меня и вѣчная, единая любовь, но вы недостойны знать имя этой любви» — какъ будто его кто - нибудь заставлялъ говорить объ единой любви. Скрываютъ, утаиваютъ иначе.

Вернемся къ списку. Намъ осталось три имени: «Наталья», «Катерина I» и «Катерина II». Только среднее изъ этихъ именъ — Катерина I — является вполне и безусловно достовѣрнымъ (оно же является и самымъ важнымъ въ юности Пушкина). «Катерина I» — сестра одного изъ его лицейскихъ товарищей, фрейлина Двора, Екатерина Павловна Бакунина, о которой Пушкинъ писалъ въ своемъ дневникѣ 29 ноября 1815 года:

«Итакъ, я счастливъ былъ, итакъ, я наслаждался,

Отрадой тихою, восторгомъ упивался.

И гдѣ веселья быстрый день?

Промчался летомъ сновидѣнья,

Увяла прелесть наслажденья,

И снова вокругъ меня угрюмой скуки тѣнь.

Я счастливъ былъ!... Нѣтъ, я вчера не былъ счастливъ: по утрамъ я мучился ожиданіемъ, съ неописаннымъ волненіемъ стоя подъ окошкомъ, смотрѣлъ на снѣжную дорогу — ея не видно было! Наконецъ, я потерялъ надежду; вдругъ, нечаянно встрѣчаюсь съ нею на лѣстницѣ, — сладкая минута!

Онъ пѣлъ любовь, но былъ печаленъ гласъ:

Увы! Онъ зналъ любви одну лишь муку.

(Жуковский).

Какъ она мила была! Какъ черное платье пристало къ милой Бакуниной!

Но я не видѣлъ ея 18 часовъ — ахъ!»

Пушкинъ обращается «Къ Живописцу» съ прось-

бой написать портретъ Бакуниной. Какой портретъ? —

Красу невинности прелестной,
Надежды милья черты,
Улыбку радости небесной
И взоры самой красоты;

Вкругъ тонкаго Гебеи стана
Венеринъ поясъ повяжи,
Сокрытой прелестью Альбана
Мою Царицу окружи;

Прозрачны волны покрывала
Накинь на трепетную грудь,
Чтобъ и подъ нимъ она дышала,
Хотѣла тайно бы вздохнуть.

Представь мечту любви стыдливой...

Съ Бакуниной связываютъ цѣлый рядъ элегій 1816 года, смѣнившихъ холодъ французской эротической поэзіи, элегій, въ которыхъ сквозь условный элегическо - sentimentalный языкъ пробивается и живое чувство, и въ которыхъ поэтъ начиналъ находить самого себя.

Объ этой утаенной (Пушкинъ хотѣлъ скрыть отъ товарищей свою любовь и въ своемъ лицейскомъ дневникѣ тщательно зачеркнулъ имя Бакуниной) и нераздѣленной любви (Е. П. Бакунина, по всей вѣроятности, и не догадывалась, какое глубокое, серьезное, религиозно - молитвенное, святое чувство внушила она юному поэту - лицеисту) Пушкинъ помнилъ всю жизнь. Мы не хотимъ сказать этимъ, что Пушкинъ всю жизнь продолжалъ любить Е. П. Бакунину, — но память объ этой любви, прекраснымъ свѣтомъ озарившей и начало жизни и начало поэтического творчества, жила въ немъ всю жизнь. О Бакуниной поэтъ вспоминалъ въ пьесѣ «19

октября 1825», но особенно трепетно - живо въ исключенныхъ начальныхъ строфахъ послѣдней главы «Евгенія Онѣгина», говоря о лицейскихъ годахъ:

Въ тѣ дни, въ тѣ дни, когда впервые
Замѣтилъ я черты живыя
Прелестной дѣвы, и любовь
Младую взволновала кровь.
И я, тоскуя безнадежно,
Томясь обманомъ пылкихъ сновъ,
Вездѣ искалъ ея слѣдовъ,
Объ ней задумывался нѣжно,
Весь день минутной встрѣчи ждалъ,
И счастье тайныхъ мукъ узналъ.

О томъ, кто начинаетъ Донъ - Жуанскій списокъ, какая «Наталья» открываетъ собою любовный синодикъ Пушкина, существуютъ различныя мнѣнія. Одни изслѣдователи, основываясь на стихотвореніяхъ такого рода, какъ посланіе «къ Натальѣ» — «Миловидной жрицы Тальи Видѣлъ прелести Натальи» и «Въ первый разъ еще (стыжуся) Въ женски прелести влюбленъ» — видятъ въ «Натальѣ» крѣпостную актрису домашняго театра графа В. В. Толстого; другіе, основываясь на лицейскомъ преданіи, предполагаютъ въ «Натальѣ» — графиню Наталію Викторовну Кобучей¹⁾. Если надо быть очень осторожнымъ въ пользованіи творческимъ матеріаломъ для біографіи Пушкина 20-хъ и 30-хъ го-

¹⁾ Такъ, баронъ М. А. Корфъ, лицейскій товарищъ (плохой товарищъ, надо сказать) Пушкина писалъ о графинѣ Н. В. Кочубей, что «едва ли не она (а не Бакунина) была первымъ предметомъ любви Пушкина»; такъ въ одной современной копіи лицейскихъ стихотвореній Пушкина къ стихотворенію «Къ Наташѣ» («Вянетъ, вянетъ лѣто красно») приписано: «дочери графа Кочубей»; съ нею же лицейское преданіе связывало стихотвореніе «Измѣны» («Все миновалось»).

довъ, то такая осторожность должна быть сугубой въ отношеніи лицейской поэзіи Пушкина: лицейская поэзія до такой степени питается съ одной стороны воображеніемъ, съ другой стороны литературными образцами, что принимать à la lettre стихотворное признаніе «Въ первый разъ еще (стыжуся) въ женски прелести влюбленъ» по меньшей мѣрѣ неосмотрительно (въ такомъ случаѣ придется признать, что въ 1815 году Пушкинъ былъ или монахомъ, заключеннымъ въ «келью», или безпечнымъ молодымъ человѣкомъ, который «живаль да попѣваль» и «въ театрѣ и на балахъ, на гуляньяхъ иль въ воксалахъ легкимъ Зефиромъ леталь»). Гораздо важнѣе тонъ стихотворенія, а тонъ (да и отдѣльные образы и выраженія), съ какимъ Пушкинъ обращается «Къ Натальѣ» и «Къ молодой актрисѣ» меньше всего говоритъ о любви, о такой любви, которую онъ сталь бы отмѣчать черезъ 15 лѣтъ въ первомъ Донъ - Жуанскомъ спискѣ, заключающемъ въ себѣ имена подлинныхъ властительницъ его сердца. По этимъ соображеніямъ мы скорѣе склонны видѣть въ первомъ имени графиню Наталью Викторовну Кочубей, милую и красивую дѣвочку - подростка (она была на годъ младше Пушкина), если только не она названа послѣ княгини Е. И. Голицыной...

Еще труднѣе расшифровать третье имя списка — «Катерина П». Всѣ изслѣдователи согласны въ предположеніи, что въ «Катеринѣ П» нужно видѣть знаменитую въ то время актрису Екатерину Семеновну Семенову, о которой, вспоминая въ «Евгеніѣ Онѣгинѣ» петербургскій театръ, Пушкинъ говорилъ:

Тамъ Озеровъ невольны дани
Народныхъ слезъ, рукоплесканій
Съ молодой Семеновой дѣлилъ...

Всѣ доводы въ пользу предположенія, что «Кате-

рина II» — Е. С. Семенова, таковы, что они также легко могут быть приняты, какъ и отвергнуты.

Первый доводъ — «Мои замѣчанія объ русскомъ театрѣ» 1819 года. Въ этихъ замѣчаніяхъ Пушкинъ пишетъ: «.....Говоря объ Русской трагедіи, говоришь о Семеновой — и м. б., только объ ней. Одаренная талантомъ, красотою, чувствомъ живымъ и вѣрнымъ, она образовалась сама собою. Семенова никогда не имѣла подлинника. Бездушная фр. Актриса Жоржъ и вѣчно восторженный поэтъ Гнѣдичъ могли только ей намекнуть о тайнахъ искусства которое она поняла откровеніемъ души. Игра всегда свободная, всегда ясная, благородство одушевленныхъ движеній, органъ чистый, ровный, пріятный и часто порывы истиннаго вдохновенія, все сіе принадлежитъ ей и ни отъ кого не заимствовано. Она украсила несовершенныя творенія нещастнаго Озерова и сотворила роль Антигоны и Моины; она одушевила измѣренныя строки Лобанова; въ ея устахъ понравились намъ славянскіе стихи Катенина полные силы и огня но отверженные вкусомъ и Гармоніей. Въ пестрыхъ переводахъ составленныхъ общими силами и которые, по нещастью, стали нынче слишкомъ обыкновенны, слышали мы одну Семенову и Гений Актрисы удержалъ на сценѣ всѣ сіи плачевныя произведенія союзныхъ поэтовъ, отъ которыхъ каждый отецъ отрѣкается по одиночкѣ. Семенова не имѣетъ соперницы. Пристрастные толки и минутныя жертвы, принесенныя новости прекратились; она осталась единодержавною Царицею траг. сцены. Было время когда хотѣли съ нею сравнивать прекрасную комическую Актрису Валберхову, которая въ роли Дидоны живо напоминала намъ жеманную Селимену...». Пушкинъ еще дважды говоритъ въ этой статьѣ о Семеновой — сравнивая съ нею ея «надежную наслѣдницу» Колосову и

вспоминая объ Яковлевѣ: «.....если (Колосова) будетъ подражать не только одному выраженію лица Семеновой — но постарается себѣ присвоить и глубокое ея понятіе о своихъ роляхъ — то мы можемъ надѣяться имѣть современемъ истинно хорошую Актрису... Долго Семенова являлась передъ нами съ дикимъ, но пламеннымъ Яковлевымъ.....»

Позже Пушкинъ восклицалъ:

Ужель умолкъ волшебный гласъ

Семеновой, сей чудной музы,

И славы русской лучъ угасъ?...

Во всѣхъ отзывахъ о Е. С. Семеновой Пушкинъ говоритъ только о великой артисткѣ, а не о женщинѣ, но увлеченіе артисткой могло быть и увлеченіемъ женщиной, и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ своихъ «Замѣчаніяхъ объ русскомъ театрѣ» Пушкинъ говоритъ о томъ, какъ она образовалась, и что онъ подарилъ эту рукопись Семеновой; на этой рукописи Н. И. Гнѣдичъ приписалъ, что она написана Пушкинымъ, «когда онъ приволакивался, но бесполезно, за Семеновой» (выраженіе «приволакивался» можетъ говорить и многое и очень немногое). Необходимо также имѣть въ виду, что «Мои замѣчанія объ русскомъ театрѣ» написаны въ 1819 году, увлеченіе же Е. С. Семеновой (если таковое было) должно относиться къ 1817 году, и слѣдовательно въ то время, когда онъ писалъ свои «Замѣчанія» увлеченіе женщиной — Семеновой могло уже остыть.

Второй доводъ въ пользу Катерины II — Семеновой менѣе убѣдителенъ: мы не знаемъ никакой другой Екатерины въ этотъ періодъ жизни Пушкина. Во-первыхъ изъ того, что мы не знаемъ никакой другой Екатерины, не значитъ еще, что таковой и не было, а во-вторыхъ, мы какъ разъ знаемъ другую «Катерину», но не знаемъ ея фамиліи. Въ самомъ дѣлѣ, къ этому періоду

жизни Пушкина относится четверостишие, которое онъ печаталь подъ заглавіемъ «К. А. Б.»:

Что можемъ наскоро стихами молвить ей?

Мнѣ истина всего дороже.

Подумать не успѣвъ, скажу: ты всѣхъ милѣй;

Подумавъ, я скажу все то же.

Намъ остается еще одинъ трудный вопросъ въ Донъ - Жуанскомъ спискѣ, связанный съ именемъ «Настасьи» или «Натальи», записанной между княгиней Авдотьей (1817) и Екатериной III (1819-1820). Въ стихотвореніяхъ Пушкина, написанныхъ на югѣ, такъ часто, такъ упорно повторяется одинъ и тотъ же мотивъ — о ранахъ сердца, нанесенныхъ ему сѣверной любовью передъ его изгнаніемъ что изслѣдователь невольно долженъ предполагать въ нихъ какую - то личную основу.

Въ элегии «Погасло дневное свѣтило» (1820):

Я васъ бѣжалъ, питомцы наслажденій,
Минутной младости минутные друзья;
И вы, наперсницы порочныхъ заблужденій,
Которымъ безъ любви я жертвовалъ собой,
Покоемъ, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной, измѣнницы младыя,
Подруги тайныя моей весны златыя,
И вы забыты мной... Но прежнихъ сердца ранъ,
Глубокихъ ранъ любви, ничто не излечило...

Въ посвященіи «Кавказскаго Плѣнника» Н. Н. Раевкому (1821):

Когда я погибалъ безвинный, безотрадный,
И шопоть клеветы внималъ со всѣхъ сторонъ,
Когда кинжалъ измѣны хладный,
Когда любви тяжелый сонъ
Меня терзали и мертвили —
Я близъ тебя еще спокойство находилъ...

Самъ кавказскій плѣнникъ (а вспомнимъ свидѣтельство Пушкина, что онъ взялъ себя въ герои поэмы «Кавказскій Плѣнникъ») думаетъ о томъ, что

Въ Россію дальній путь ведетъ,
Въ страну, гдѣ пламенную младость
Онъ гордо началъ безъ заботъ,
Гдѣ первую позналъ онъ радость,
Гдѣ много милаго любилъ,
Гдѣ обнялъ грозное страданье,
Гдѣ бурной жизнью погубилъ
Надежду, радость и желанье,
И лучшихъ дней воспоминанье
Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ.
Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ
И зналъ невѣрной жизни цѣну,
Въ сердцахъ друзей нашедъ измѣну,
Въ мечтахъ любви — безумный сонъ...

Когда черкешенка приходила къ нему —
Не могъ онъ сердцемъ отвѣчать
Любви младенческой, открытой —
Быть можетъ, сонъ любви забытой
Боялся онъ вспоминать.

И наконецъ плѣнникъ изліялъ предъ юной дѣвой свои страданья:

Безъ упоенья, безъ желаній
Я вяну жертвою страстей.
Ты видишь слѣдъ любви несчастной,
Душевной бури слѣдъ ужасной...
Какъ тяжело мертвыми устами
Живымъ лобзаньямъ отвѣчать,
И очи, полныя слезами,
Улыбкой хладною встрѣчать!
Измучась ревностью напрасной,
Уснувъ безчувственной душой,

Въ объятіяхъ подруги страстной
Какъ тяжело мыслить о другой!...¹⁾).
Когда такъ медленно, такъ нѣжно
Ты пьешь лобзанія мои,
И для тебя часы любви
Проходятъ быстро, безмятежно;
Снѣдая слезы въ тишинѣ,
Тогда, разсѣянный, унылый,
Передъ собою, какъ во снѣ,
Я вижу образъ вѣчно милый;
Его зову, къ нему стремлюсь,
Молчу, не вижу, не внимаю;
Тебѣ въ забвеньи предаюсь
И тайный призракъ обнимаю;
О немъ въ пустынѣ слезы лью;
Повсюду онъ за мною бродитъ
И мрачную тоску наводитъ
На душу сирую мою.

Точно такъ же и въ «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ»
поэтъ помнитъ

 столь же милый взглядъ
И красоту еще земную...
Всѣ думы сердца къ ней летятъ;
Объ ней въ изгнаніи тоскую...
Безумецъ! полно, перестань,
Не растравляй тоски напрасной!

¹⁾ Тотъ же мотивъ мы встрѣчаемъ и въ «Доридѣ» 1820
года:

Вчера, друзей моихъ оставя пиръ ночной,
Въ ея объятіяхъ я нѣгу пилъ душой;
Восторги быстрые восторгами смѣнялись,
Желанья гасли вдругъ и снова разгорались
Я таялъ: но среди невѣрной темноты
Другія милыя мнѣ видѣлись черты,
И весь я полонъ былъ таинственной печали,
И имя чуждое уста мои шептали.

Мятежнымъ снамъ любви несчастной
Заплачена тобою дань —
Опомнись! долго ль, узникъ томный,
Тебѣ оковы лобызать
И въ свѣтъ лирою нескромной
Свое безумство разглашать?

Въ южной лирикѣ постоянно говорится о большой любви, оставленной на сѣверѣ, поэтъ тоскуетъ о ней въ своемъ изгнаніи: эта любовь была «несчастной» и она нанесла какія-то глубокія раны и тайныя страданія, свидѣтелемъ и наперсникомъ которыхъ былъ, можетъ быть, Н. Н. Раевскій (въ посвященіи ему «Кавказскаго Пльнника» — «Когда кинжалъ измѣны хладной, Когда любви тяжелый сонъ Меня терзали и мертвили — Я близъ тебя еще спокойство находилъ»). И если въ южныхъ стихотвореніяхъ повторяется мотивъ покинутой любви, въ петербургскихъ стихотвореніяхъ 1819 года говорится о самой любви. И здѣсь есть одинъ повторяющійся мотивъ: поэтъ говоритъ о той, которую онъ зналъ еще въ то время, когда въ Царскомъ Селѣ онъ «безмятежно расцвѣталъ». Въ этомъ отношеніи особенно любопытны черновые наброски, незаконченныя стихотворенія 1819 года. Сопоставимъ три наброска, — и заключеніе само собою напрашивается. Въ первомъ:

Позволь душѣ моей открыться предъ тобою
И въ дружбѣ сладостной отраду почерпнуть—
Скучая жизнью, томимый суетою —
(Я жажду) близъ тебя, другъ нѣжный, отдох-
нуть —

**Ты помнишь, милая, — зарею нашихъ лѣтъ,
Младенцы, мы... любить умѣли — —
Какъ быстро наши лѣта улетѣли!
Въ кругу чужихъ, въ немилрой сторонѣ,
Я мало жилъ и наслаждался мало! —**

И дней моихъ печальное начало
Наскучило, давно постыло мнѣ! —
Къ чему мнѣ жить? Я не рожденъ для счастья,
(Я не рожденъ) для дружбы ,для забавъ,
..... избѣжавъ
Я хладно пилъ изъ чаши сладострастья¹⁾...

Во второмъ:

..... она при мнѣ
Красою нѣжной расцвѣтала
Въ уединенной тишинѣ.....
Въ тѣни плѣнительныхъ дубравъ
Я былъ свидѣтель умиленный
Ея младенческихъ забавъ...
Она цвѣла передо мною,
Ея чудесной красоты
Уже угадывалъ мечтою
Еще неясныя черты
И мысль объ ней одушевила
Моей цвѣтницы первый звукъ...

Набросокъ третьей элегіи, наконецъ, говоритъ уже опредѣленно о Царскомъ Селѣ и даетъ дату, чѣмъ - го замѣчательную въ жизни поэта:

Къ Кагульскому памятнику
Элегія

Воспоминаямъ упоенный,
Съ благоговѣньемъ и тоской
Объемлю грозный мраморъ твой,
Кагула памятникъ надменный!
Не смѣлый подвигъ Россіянъ,
Не слава, даръ Екатеринѣ,

¹⁾ Этотъ же мотивъ — усталость и отвращеніе къ «чашѣ сладострастья» повторяется и въ южной лирикѣ — «я васъ бѣжалъ, питомцы наслажденій...».

Не Задунайскій великанъ
Меня воспаменяють нынѣ...

..

30 марта 1819.

Все — и южная лирика, и стихотворенія, написанныя до отъѣзда на югъ, — ведетъ насъ къ 1819 - 1820 г. г. О томъ же періодѣ говоритъ и Донъ - Жуанскій списокъ, въ которомъ между «кн. Авдотьею» (1818) и «Екатериной III» (1820) стоитъ «Настасья» или «Наталья». Если это имя нужно читать «Наталья», то назвать его не составляетъ уже никакого труда — это графиня Наталиа Викторовна Кочубей, которую Пушкинъ зналъ еще «въ тѣни плѣнительныхъ дубравъ», на «зарѣ лѣтъ» и съ которою онъ встрѣтился въ 1818 или 1819 году¹⁾, когда она не «расцвѣтала», а уже расцвѣла «красою нѣжной». Мы говорили выше, что, судя по посвященію «Кавказскаго Плѣнника», Н. Н. Раевскій былъ наперсникомъ этой любви Пушкина. Какъ не сопоставить съ этимъ письма Н. Н. Раевского къ Пушкину въ маѣ 1825 года изъ Бѣлой Церкви: «Le père et la mère de votre Comtesse Natalie de Cagoul sont ici depuis une semaine. Je leur ai lu en séance public votre Онѣгинъ; ils en sont enchantés»²⁾). Понятно, что Пушкинъ говоритъ и о несчастной любви и о ранахъ любви:

¹⁾ Графиня Н. В. Кочубей съ родителями жила въ Царскомъ Селѣ и навѣщала Лицей въ 1814 - 1815 г. г. и снова появилась въ Царскомъ Селѣ только въ 1818 году, какъ о томъ говоритъ въ своихъ запискахъ имп. Александра Федоровна: «Теперь прислѣло время поговорить о семьѣ Кочубеевъ. Они находились въ отсутствіи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и лишь въ 1818 г. графъ, графиня и ихъ красивая дочь Натали были мнѣ представлены въ Павловскѣ».

²⁾ Доводы П. Губера въ пользу того, что подъ «votre comtesse Natalie de Cagoul» надо понимать графиню Н. В. Кочубей (какъ - то связанную для Пушкина съ Кагульскимъ памятникомъ), кажутся намъ совершенно убѣдительными и неоспоримыми.

она, «младенцемъ любившая» поэта и снова вызвавшая въ немъ чувство, въ это время какъ разъ вышла замужъ за Строганова.

Лишнимъ — и очень говорящимъ — подтвержденіемъ того, что въ 1818 - 1820 г. г. Пушкинъ снова встрѣчался съ графиней Н. В. Кочубей, являются его планы и наброски большого романа «Русскій Пеламъ» (1835), въ которомъ должна была дѣйствовать Наталья Кочубей (она фигурируетъ и подъ своимъ именемъ и подъ именемъ Натальи Чоколей; особенно интересенъ слѣдующій набросокъ плана: «P. devient aux yeux du monde un mauvais sujet. C'est alors qu'il est en correspondance avec N. Il reçoit sa première lettre au sortir de chez la Istomine qu'il console du mariage de Zavadovsky. La porte de Чок. lui est refusée, il ne la voit qu'au théâtre»).

Имя «сѣверной любви» Пушкина — графиня Наталья Викторовна Кочубей - Строганова — было уже названо П. Губеромъ, и намъ пришлось почти повторить его аргументацію. Но П. Губеръ хотѣлъ доказать другое: и онъ повѣрилъ въ легенду объ «утаенной любви», и назвалъ имя Натальи Кочубей, расшифровывая «таинственныя буквы» «N. N.» и связывая съ ними и «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ», и «Полтаву», и все, что по неудачной традиціи полагается связывать съ единой, вѣчной, утаенной и нераздѣленной любовью, — и тутъ его доводы не выдерживаютъ уже рѣшительно никакой критики¹⁾. Но въ томъ, что «Наталья», записан-

¹⁾ До чего доходитъ аргументація П. Губера, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ. П. Губеру нужно связать «Бахчисарайскій Фонтанъ» съ Н. В. Кочубей и онъ ставитъ вопросъ: «Посѣщала ли Н. В. Кочубей южный берегъ Крыма и Бахчисарай до 1819 г.? Мы не въ состояніи съ увѣренностью отвѣтить на этотъ вопросъ, но, конечно, въ фактѣ подобнаго рода нѣтъ ничего невѣроятнаго». Еще лучше онъ

ная на шестомъ мѣстѣ въ Донъ - Жуанскомъ спискѣ, — графиня Наталья Викторовна Кочубей - Строганова, не можетъ быть никакого сомнѣнія, если только это дѣйствительно «Наталья», а не «Настасья»...

Мы должны сдѣлать маленькое лирическое отступление. Одинъ изъ самыхъ опасныхъ и губельныхъ соблазновъ, которымъ подверженъ всякій изслѣдователь, всякій изыскатель — стройность и законченность построения, которое въ процессѣ работы становится дорогимъ архитектору - изыскателю. Такъ хочется внести полную ясность въ разрѣшеніе труднаго вопроса, такъ хочется полностью разрѣшить вопросъ, что изслѣдованіе, начатое критическимъ разумомъ, стремящимся доискаться истины и только истины, постепенно переходитъ въ догматическое утвержденіе своей вѣры и въ фанатическое стремленіе обратить въ свою вѣру и читателя.

Заканчивая свой обзоръ Донъ - Жуанскаго списка и авторъ статьи испытываетъ этотъ сладкій и опасный соблазнъ — разрѣшить всѣ или неразрѣшенные или невѣрно разрѣшавшіеся вопросы, связанные съ Донъ - Жуанскимъ спискомъ и принужденъ остановить себя въ этомъ порывѣ, сдѣлать паузу. Такъ все говоритъ о Натальѣ Кочубей для расшифровки первой Натальи списка (1815) и такъ убѣдительно все сви-

(правда, предположительно и «съ крайней осторожностью») объясняетъ стихи «Сибири хладная пустыня» въ посвященіи «Полтавы», которую онъ также связываетъ съ Н. В. Кочубей - Строгановой: «можно высказать предположеніе, что она находилась въ это время въ одномъ изъ старинныхъ строгановскихъ помѣстій на Уралѣ, у сибирской границы. Въ послѣднемъ случаѣ понятно было бы упоминаніе о Сибири въ зачеркнутомъ вариантѣ, составляющемъ краугольный камень всей теоріи Щеголева». Такими, рѣшительно ни на чемъ неоснованными предположеніями, можно доказать что угодно!

дѣтельствуесть въ пользу того, что и въ 1818 - 1819 г. г. Пушкинъ вернулся къ своей первой любви, что хочется утверждать: и первая «Наталья» и шестая «Наталья» (а м. б. «Настасья»?) одно и то же лицо — Наталья Кочубей. Вѣра въ это кажущееся такимъ убѣдительнымъ (убѣдительнымъ по матеріалу) предположеніе такъ сильна, что на помощь ей идетъ услужливая аргументація (аргументы легко находятся, когда мы желаемъ убѣдить своего собесѣдника и въ особенности самого себя): Пушкинъ дважды пишетъ имя одной и той же женщины, потому что она была въ его душѣ, ушла, уступила мѣсто другимъ, и снова вернулась — другая, иная, и внушила другое, иное, непохожее на дѣтское чувство. Съ рискомъ поколебать собственное построеніе и подорвать вѣру и въ незыблемое, въ истинное, съ рискомъ вызвать неудовлетворенность читателя неразрѣшимостью, недостроенностью (какъ боится этой неудовлетворенности архитекторъ - изыскатель!), будемъ имѣть мужество сознаться, что этотъ аргументъ не отличается ни силой, ни убѣдительностью. Встрѣча Пушкина съ Н. В. Кочубей въ 1818 - 1819 г. г. внѣ всякихъ сомнѣній. Внѣ всякихъ сомнѣній и возобновленіе, возрожденіе къ ней и дѣтскаго чувства Пушкина, но отсюда еще далеко до утвержденія, что ея имя поэтъ снова записалъ... Да и самое имя: нельзя утверждать, что оно «Наталья», а не «Настасья» и не третье имя... А въ такомъ случаѣ мы стоимъ еще передъ одной, неразрѣшенной до сихъ поръ и неразрѣшаемой и настоящимъ очеркомъ загадкой, одной изъ тѣхъ загадокъ, какихъ много въ сердечной жизни Пушкина. Мы слишкомъ многого не знаемъ и не можемъ назвать многихъ именъ, игравшихъ ту или иную роль въ жизни Пушкина. Къ кому, напр., относится черновикъ письма 1822 года изъ Кишинева:

«Ce n'est pas pour vous braver que je vous écris mais j'ai la bêtise et la faiblesse de vous avouer une passion ridicule et je veux m'en expliquer franchement. — Ne feignez rien ce seroit indigne de vous — la coquetterie seroit une cruauté frivole et surtout bien inutile. — Votre colère, je n'y croiroi pas plus — en quoi puis je vous offenser; je vous aime avec tant d'élan de tendresse, si peu de prévention — votre orgueil même ne peut en être blessé.

Si j'avois des espérances cela ne seroit pas la veille de votre départ que j'aurai attendu pour me déclarer. Attribuez mon aveu qu'à une exaltation dont je n'étois plus le maître qui alloit jusqu'à la défaillance — je ne sais moi - même ce que je veux — cependant je vous.....».

Многого мы не знаемъ о Пушкинѣ — будемъ благодарны и за то, что знаемъ о немъ и что даетъ возможность живо чувствовать живого Пушкина съ его трепетнымъ сердцемъ, знавшимъ всѣ оттенки чувства, какіе только свойственны человѣческому сердцу на землѣ — отъ «безстыднаго бѣшенства желаній» «страдальца чувственной любви» до такой высокой любви, которая переходитъ уже даже не въ музыкальную мелодію, а въ молитву, когда сердце «благоговѣетъ богомольно передъ святыней красоты». Донъ - Жуанскіе списки и хранятъ память объ этомъ безконечно - разнообразномъ и богатомъ сердцѣ Пушкина, заключавшемъ въ себѣ любовь къ неистово - чувственно - страстной вакханкѣ Закревской, къ Рафаэлевскому ангелу Олениной и царственно - холодной красавицѣ Гончаровой; но самую сильную, самую глубокую и самую долгую любовь Пушкину — горячему, страстному «страдальцу чувственной любви» — внушали холодныя женщины. Таковы Е. П. Бакунина, Н. В. Кочубей, кня-

гиня Е. И. Голицына («отъ ея трезубца пышетъ не огнемъ, а холодомъ»), Е. Н. Раевская, П. Варѳоломей, А. А. Оленина, Н. Н. Гончарова. Любовь ко всѣмъ этимъ холоднымъ красавицамъ осталась нераздѣленной, молитва не услышанной или неисполненной. Донъ - Жуанъ Пушкинъ нашелъ ли свою Анну?

Послѣдняя въ Донъ - Жуанскомъ спискѣ Пушкина, «Наталья» Гончарова была ли послѣдней его любовью въ жизни, его истинной Анной?...

Пушкинъ часто внушалъ себѣ, что онъ «не долженъ», «не смѣетъ», «не можетъ» «волненіямъ любви безумно предаваться», не позволялъ своему сердцу «пылать и забываться», но и за годъ до смерти писалъ:

Я думалъ, сердце позабыло
Способность легкую страдать,
Я говорилъ: «тому, что было,
Ужъ не бывать, ужъ не бывать».

Прошли восторги и печали,
И легковѣрныя мечты...
Но вотъ опять затрепетали
Предъ мощной властью красоты...

Складъ изданія:

ДОМЪ КНИГИ

MAISON DU LIVRE ETRANGER
9, Rue de l'Eperon, Paris 6°

ПЕТРОПОЛИСЪ

PETROPOLIS VERLAG A. G.
Meinekestr. 19, Berlin W